

ЕЖЕНЕДЕЛЬНИК

СОВЕТСКОЙ ЮСТИЦИИ

АДРЕС РЕДАКЦИИ И КОНТОРЫ:

Москва, Кузнецкий м., 7. Телефоны: { Редакция 2-80-42.
Конторы 1-23-99.

Подписная цена на год 11 р. 50 к.
полгода 6 р. — к.
Для "судработников" при условии подписки на год . . . 8 р. 50 к.
при подписке на полгода 4 р. 80 к.

№ 13

4 апреля 1926 года.

№ 13

Правоспособность госпредприятий и торговая регистрация.

Одним из характерных моментов нашего торг.-пром. оборота является огромнейшее (как по активности, так и по масштабу) участие в нем госпредприятий. Торговая и промышленная деятельность их ставит перед советскими юристами (в частности перед работниками суда и нотариата) ряд вопросов, имеющих существенное значение для определения и правовой оценки взаимоотношений, возникающих в процессе и в связи с торгово-промышленной деятельностью предприятий. В числе таких основных вопросов надо, наприм., отметить вопрос о пределах правоспособности юридических лиц и, в частности, госпредприятий в отношении предмета их деятельности («границы специальной правоспособности»).

Но правоспособность юридических лиц очерчивается у нас определенными границами не только в отношении предмета их деятельности. Столь же важно разобраться в пределах, устанавливаемых для правоспособности юридических лиц в пространстве и во времени.

Проблема пространственных пределов правоспособности или, по выражению некоторых наших юристов, «радикальной правоспособности»¹⁾, выдвинулась особо остро в связи с деятельностью некоторых наших государственных торгующих организаций (так называемых «торгов»). Отрицательные последствия наблюдавшегося увлечения иных «торгов» торговлей «ради торговли», ради извлечения большей прибыли путем всевозможных операций и перепродаж, совершаемых преимущественно в Москве, и в ущерб действительному обслуживанию интересов местной промышленности, достаточно известны. Отсюда укрепление за последнее время того взгляда, что при самом учреждении этих «торгов» в уставах их должно быть прямо оговорено: деятельность вне пределов такой-то местности, в которой «торг» был учрежден, разрешается ему лишь: 1) для реализации продукции промышленности той местности, в которой «торг» был учрежден, и

2) для приобретения необходимых этой промышленности сырья и пр. предметов. Перепродажа вне пределов указанной местности чужой продукции допускается лишь в качестве дополнительного к продукции своей местной промышленности ассортимента. Хотя во внесенном на рассмотрение законодательных инстанций законопроекте Наркомторга «О гос. торговых предприятиях, действующих на коммерческом расчете (торгах)», указанное положение формулировано не было, однако, есть основания полагать, что при рассмотрении указанного проекта, в него будет введено соответствующее правило о территориальных границах деятельности «торгов». И эта мера в условиях ориентации нашего хозяйственного строительства на проведение начал плановости и на изжитие явлений спекулятивного характера явится, надо думать, целесообразной.

Но нас сейчас интересует другой вопрос. Вопрос об установленных для правоспособности юридических лиц госпредприятий пределах во времени, именно, о начальном моменте правоспособности этих госпредприятий, действующих на началах хозяйственного или коммерческого расчета.

Вопрос этот имеет тем более существенное практическое значение, что согласно ст. 19 ГК, а равно соответствующих статей декрета о трестах от 10 апр. 23 г., декр. о местных трестах от 17 июля 1923 г. и др., за долги госпредприятий, выступающих в обороте, как самостоятельные и несвязанные с казной юридические лица, отвечает лишь оборотоспособное имущество, выделенное в надлежащем порядке в состав их уставного капитала, казпа же дополнительной ответственности по долгам этих госпредприятий не несет²⁾.

Итак, с какого момента надо считаться с самостоятельным в качестве юридического лица существованием наших госпредприятий, с какого момента возникает их правоспособность?

¹⁾ Т.-е. в пределах района, определяемого таким-то радиусом.

²⁾ Ср., однако, допущенное Сов.-Герм. дог., ст. 9 экономич. соглашения, в изъятие из указанного положения гарантийное условие по сделкам наших трестов.

Как известно, и по нашему законодательству, и по новейшим западным кодексам возникновение правоспособности юридических лиц приурочивается к надлежащей их регистрации, т. е. занесению в торговый реестр. И если у нас до недавнего времени это указание вытекало лишь из ряда разрозненных по отдельным субъектам права постановлений, то с изданием и предстоящим введением в действие положения о торговой регистрации (С. З. 25 г. № 82, ст. 623) вопрос получает достаточно исчерпывающее в указанном смысле разрешение. Быть-может, самое построение регистрации намечено указанным декретом в несколько громоздком и многосложном виде¹⁾. Но для нас важны здесь лишь основные принципы положения, а не детальное рассмотрение названного декрета.

По интересующему же нас здесь вопросу декрет определяет (ст. 3): «Правоспособность юридических лиц, указанных в ст. 2, возникает с момента их регистрации, если иное не установлено в специальных законах, на основании которых эти лица действуют».

А ст. 2 декрета, на которую тут имеется ссылка, говорит о всех вообще юридических лицах, «занимающихся на территории СССР торговой и промышленной деятельностью в виде промысла». Исключения для госпредприятий не сделано. Таким образом, поскольку бы в специальных законах, на основании которых то или иное госпредприятие учреждено, не было каких-либо изъятий, согласно положению о торговой регистрации, правоспособность предприятия возникает с момента его регистрации в установленном декретом порядке.

Но нет ли каких-либо изъятий в упомянутых «специальных законах»?

И, кроме того, ведь положение о торговой регистрации еще не введено в действие²⁾; согласно § 2 пост. СНК СССР от 20 окт. 25 г. (С. З. 25 г., № 82, ст. 622) срок введения в действие положения о торговой регистрации поручено установить Наркомвнуттору (ныне Наркомторгу) СССР. Из циркуляра этого последнего от 6 января с. г. («Торг. Изв.» от 11 февр., № 16) следует, что введения в действие пол. о торг. регистрации можно ожидать примерно на 1 апреля с. г. Следовательно, и независимо от приведенной ссылки положения о торг. регистрации на «специальные законы» следует выяснить решение интересующего нас вопроса по действующим правилам. Что говорят соответствующие (общие и специальные) нормы закона и каково у нас сейчас фактическое положение дела?

Ст. 14 ГК РСФСР и УССР заканчивается следующим указанием: «Правоспособность юридического лица возникает с момента утверждения устава (положения), а в тех случаях, когда закон требует регистрации юридического лица, — с момента таковой регистрации». Значит, мы и здесь находим отсылку к тому закону, на основании коего юридическое лицо учреждено.

Главнейшими видами наших госпредприятий, признаваемых юридическими лицами, являются тресты, синдикаты, «торги».

Но декреты о синдикатах и о «торгах» еще не изданы. И сам ГК в прим. к ст. 19 пока что ссылается лишь на декреты о трестах. Согласно же этим последним (ст. 2 декр. 10 апр. 23 г. и декр. 17 июля 23 г.) «государственный трест со дня его регистрации приобретает права юридиче-

ского лица» (ГК, ст. 13 и 1 ч. ст. 19). Это указание повторно в ст. 2 декрета от 20 дек. 1924 г. о коммунальных трестах. И в том же смысле, насколько нам известно, изложены соответственные статьи в законопроектах о синдикатах и о «торгах».

Таким образом, следует признать, что формально и в настоящее время и по введении в действие пол. о торговой регистрации (вследствие совпадения его общего правила с правилами специальных законов) момент возникновения правоспособности госпредприятий, переведенных в установленном порядке на хозяйственный или коммерческий расчет, отнесен к моменту надлежащей их регистрации.

Между тем, хотя требование о регистрации в отношении некоторых предприятий (именно трестов) было установлено законом уже давно с указанием определенных сроков, и, несмотря на предоставление неопределенных отсрочек, ряд госпредприятий еще своей регистрации, как известно, не оформил. Сомнительно изжитие этого пробела в тот или иной кратчайший срок (причины задержки коренятся зачастую не в каком-либо бездействии или упущении, а в сложности необходимой подготовки по существу). И, однако, не менее известно, что госпредприятия эти фактически действуют сами и трактуются как контрагентами, так и органами власти в качестве самостоятельных субъектов права, юридических лиц, со всей полнотой предусмотренной их уставом правоспособности.

Таким образом, здесь имеется какой-то разрыв между нормой закона и практикой. И мимо этого обстоятельства нельзя, разумеется, пройти без внимания.

Положение о торговой регистрации указывает (ст. 2), что целью таковой является «своевременное сосредоточение публично достоверных сведений об организационном, правовом и имущественном положении юридических и физических лиц, занимающихся на территории СССР торговой и промышленной деятельностью в виде промысла». Надо признать, что торговая регистрация имеет особо важное в этом отношении значение в тех странах, где самое учреждение предприятий, подлежащих затем стать юридическими лицами, происходит в явочном порядке. В наших условиях эта значимость регистрации непосредственно выявляется, скажем, в отношении товариществ полных или на вере. Что же касается госпредприятий на хозяйственном или коммерческом расчете, то надо принять во внимание действующий у нас порядок учреждения и утверждения их в качестве самостоятельных субъектов права³⁾. Факт надлежащего утверждения устава госпредприятия сам по себе уже фиксирует (при этом от имени органов власти высших, чем органы регистрирующие) определенные «публично-достоверные сведения об организационном, правовом и имущественном положении» этого предприятия. Таким образом, отнесение начала правоспособности госпредприятия к моменту утверждения его устава не нарушило бы интересов оборота и нынешнему фактическому признанию «субъектности» незарегистрированных, но имеющих надлежащие утвержденные устав, предприятий казалось бы возможным предположить соответственное нормативное признание их в качестве юрид. лиц.

Однако, в определении момента возникновения правоспособности предприятий и признания их юридическими лицами не может быть устанавливаема, как правило, пестрота и многообразие правил. То же относится и к источнику, осведомления о правомерности возникновения предприятия, об его правомочных органах, имуществе и пр.

¹⁾ Отбрасывая изживаемые ныне, в общем, случаи самозачинной организации «подсобных» и т. п. предприятий некоторыми неуправомоченными госорганами и ведомствами.

¹⁾ Некоторые вопросы, впрочем, освещены положением о торг. регистр., повидимому, не исчерпывающе. Так не указан порядок регистрации местных госпредприятий и, в частности, местных трестов (ср. ст.ст. 16 и 17 положения).

²⁾ Настоящий декрет издан в союзном масштабе. По РСФСР закона о торг. регистрации издано не было. В УССР имеется пост. СНК от 28 окт. 24 г. «О торговом реестре».

Поэтому в дальнейшем действительное оздоровление оборота возможно лишь при осуществлении в качестве одной из необходимых мер того требования, на котором сходятся все наши законы, говорящие о правоспособности госпредприятий, как юридических лиц. Правило это: правоспособность возникает с момента подлежащей регистрации предприятия.

Казалось бы, назрело время для решительных мер к проведению в дальнейшем указанного правила. «Кампанию по регистрации госпредприятий» следовало бы приурочить к моменту введения в действие положений о торговой регистрации.

Хр. Бахчисарайцев.

Торговая сделка.

Прежде, чем говорить об юридическом определении торговой сделки, мы должны остановиться на том, каково то экономическое содержание отношений, которое обуславливает существование данного юридического определения. И вот тут-то мы сталкиваемся с непреодолимыми затруднениями.

Допустим, мы согласны с тем, что торговля это — область посредничества между производителем и потребителем. Но возьмем, например, такую операцию, как страхование. Ведь нельзя же сказать, что эта операция входит в цепь операций по доставке товаров от производителя к потребителю, а, между тем, почти всеми законодательствами она относится к операции торговой.

С другой стороны, говорят, нет оснований ограничивать торговую деятельность только посреднической деятельностью между производителем и потребителем. Торговая деятельность захватывает, мол, и область заготовительную, предшествующую посредничеству, т.-е. промышленную деятельность. А между тем, далеко не все согласны промышленную деятельность считать торговой. За примером идти не далеко: ст. 2 проекта Торгового свода, уже постепенно забываемого, считает промышленное предприятие торговым со значительными ограничениями; промышленное предприятие с числом рабочих меньше 5 с двигателем и меньше 10 без двигателя торговым не считается.

В области капиталистических отношений торговля, если ее понимать как посредничество между производителем и потребителем по заготовке и продаже продуктов, обязательно связана с получением прибыли. А между тем, во многих торговых отношениях в том же капиталистическом обществе нельзя найти того спекулятивного характера торговли, который понимается, как покупка товаров с целью перепродажи. Таковы, например, складочные операции или операции по перевозке.

У нас, в нашем Союзе ССР, торговля имеет совершенно иной фундамент, чем в капиталистическом обществе, в основе ее лежит уже не нажива: у нас торговля есть хозяйственный товарообмен между производителем и потребителем в целях развития производительных сил страны. Однако, вытекающее отсюда понятие торговли, как какого-то метода планового снабжения, все-таки присоединяет к себе понятие «извлечение прибыли».

С другой стороны, всякое, скажем, действие нашего госоргана или кооперации не есть уже сделка только в целях прибыли, ибо эти органы продают только то, что желательно для государства, там, где этого требуют хозяйственные интересы страны, по той цене, какая допустима с хозяйственной точки зрения, и т. д. Государство сделало у нас некоторые хозяйственные отношения не частным делом, но явлением государственно-правовым. У нас торговцы несут социальную функцию больше, чем где-либо.

При таких условиях выделить область торговых отношений из области экономических отношений в широком

смысле этого слова особенно трудно. Это еще труднее, чем при капиталистических отношениях, в капиталистическом обществе.

Дать юридическое определение торговле, т.-е. найти признаки, которые охватывали бы все торговые отношения, нельзя. Можно только приблизительно выделить область торговых отношений из области всех экономических отношений; ее можно выделить лишь искусственно. И обычно различные законодательства отводят совершенно разные по своему объему сферы тем отношениям, которые они называют торговыми. Некоторые же законодательства даже совершенно отказались дать определение торговли; некоторые дают лишь условное описание ее (например, германское торг. улож.).

Фактически единственной причиной, побудившей законодателей выделить из общегражданских отношений торговые отношения, из общегражданских сделок торговые сделки, была та, что некоторые из этих отношений, из этих сделок носят массовый характер; и поэтому оформление таких отношений, оформление торговых сделок должно быть облегчено по сравнению с оформлением общегражданских отношений, общегражданских сделок.

Само-собой разумеется, что раз торговля есть понятие условное, то таковым должно являться и понятие торговой сделки. И действительно законодательства и юридическая литература дают различные определения торговой сделки: одни — более широкое, другие — более узкое.

Но неопределенность, условность понятия торговой сделки не означает того, что такого определения вовсе не должно быть. Быть-может, путь коммерциализации гражданских прав, по которому постепенно идут все законодательства, в том числе и наше, приведет к тому, что жизнь не потребует выделения из общегражданских норм особых норм, регулирующих торговые отношения, торговые сделки. Но пока такой полной коммерциализации нет, определение, хотя и условное, того, что такое торговые сделки, должно быть, ибо эти сделки носят часто особый специфический характер, не всегда улавливаемый обычными нормами гражданских кодексов.

Определение торговой сделки есть и в нашем праве, но замечательно то, что это определение не единственное, а таких определений существует несколько.

В самом Гражд. Код. определения торговой сделки нет, эти определения встречаются в положениях отдельных ведомств, а ведомств эти — Наркомвнуторг и Наркомфин. Оба они дают определение торговой сделки, но оба дают по-разному: Наркомвнуторг смотрит на торговую сделку с точки зрения хозяйственной, а Наркомфин — узко-фискальной точки зрения. И эти определения в некотором отношении исключают друг друга.

Свое определение Наркомвнупторг дает в инструкции о регистрации внебиржевых сделок от 27 июня 1924 г., где говорится, что «торговая сделка считается в том случае, когда хотя бы один из контрагентов (сторон) является торговым предприятием, т.-е. занимается торговлей (или производственной деятельностью) в виде промысла».

Определение содержит в себе, как мы видим, три элемента: торговлю, промысел и предприятие, при чем торговля понимается широко, так как под нее подводится и производственная деятельность.

Наркомфин дает свое определение торговой сделки в Уставе о гербовом сборе, но определение уже совсем иное, чем приведенное определение Наркомвнупторга. В Уставе о герб. сборе (табель, ч. 2, ст. 48, прим. 2) говорится: «под торговыми сделками разумеются сделки по покупке товаров для перепродажи в торговых предприятиях, а также по покупке используемых без погашения при торговых или в промышленных предприятиях вспомогательных материалов».

Прежде всего нужно сказать, что это определение торговой сделки несравненно уже того, которое дал Наркомвнупторг. В этом определении говорится только о купле-продаже («покупка»), следовательно, под понятие торговой сделки не подойдут все те другие сделки, которые обнимаются определением Наркомвнупторга, как, например, подряд, комиссионный договор, договор поклада, банковские сделки и др. При всем этом нужно заметить, что под определение торговой сделки, данное в Уст. о герб. сборе, подходят даже не все сделки по купле-продаже, а лишь сделки по покупке для перепродажи, по покупке в целях переработки и затем продажи и, наконец, сделки по покупке материалов, используемых без погашения при торговле или в промышленных предприятиях, т.-е. по покупке, скажем, смазочных веществ, топлива и т. д., но не более. При этом целым рядом циркуляров Наркомфин неоднократно указывал, что это определение торговой сделки никакому расширительному толкованию не подлежит.

Однако, мы бы ошиблись, если бы думали, что в нашем законодательстве мы имеем лишь два приведенных определения торговой сделки—одно с хозяйственной, а другое с фискальной точки зрения,—мы имеем и третье определение в положении о промысловом налоге (Свод. цирк. от 16 апр. 1924 г. № 740, п. 1), в котором говорится: «всякий товарообмен, безразлично с какой бы целью он ни производился, по природе своей является торговой сделкой, при которой обе стороны производят продажу товаров».

Это определение шире, чем определение Устава о герб. сборе, так как по Уставу для отнесения сделки к торговой или неторговой далеко не безразлично, с какой целью производится покупка, а здесь это уже совершенно безразлично. Определение, данное сводн. цирк. от 16 апр. 1924 г., шире и определения Наркомвнупторга, так как понятие «стороны» не ставится в зависимость от понятий «предприятие» и «промысел».

Итак, в нашем законодательстве мы имеем три определения торговой сделки и все три совершенно разной иннроты. При этом сам Наркомфин, давая два определения торговой сделки, являет пример двойственности своих взглядов. С фискальной точки зрения, правда, эта двойственность понятна: в Уставе о герб. сб. НКФ стремится сузить область торговых сделок, дабы больше сделок подошло под понятие неторговых, а в положении о промысловом налоге стремится уже эту область расширить, онять-таки, чтобы побольше обложить, но, с другой стороны, напрашивается вопрос, насколько такая множественность определений действительно целесообразна и насколько она облегчает положение торгующих организаций в вопросе об отнесении своих сде-

лок к разряду торговых или неторговых. А между тем, это вопрос большого практического значения, так как принадлежность сделок к торговым или неторговым влечет разные последствия в смысле оформления обложения сборами и налогами. И нужно сказать, что положение торгующих в этом отношении незавидное.

Возьмем для примера сделки по покупке строительными и техническими конторами или подрядчиками, выбирающими промысловые патенты, материалов для выполнения подрядов. С точки зрения определения положения о промысловом это—сделка явно торговая. Она торговая и с точки зрения Наркомвнупторга.

Так как при расчете лицо, давшее задание подрядчику, платит последнему и за работу и за материалы, то сделка как будто бы торговая и с точки зрения Устава о герб. сборе (покупка материалов с целью перепродажи), но НКФ ее торговой не признает, считает, что тут нет прямой покупки с целью перепродажи, ибо покупаемые подрядчиком материалы идут в результате для оборудования зданий, заводов и т. д. (Цирк. Налог. упр. НКФ РСФСР от 26/III—25 г. № 461203). Такая же противоположность взглядов НКФ и Наркомвнупторга существует и во многих других случаях.

В конце-концов, каждое ведомство остается по вопросу о том, считать ли сделку торговой или неторговой при своем мнении.

Какой же все-таки выход из положения?

А выход вот какой: прежде всего нужно устранить существование в законодательстве трех определений различной широты, различного объема содержания. Ради единства принципа определения, во избежание путаницы, разногласий, определение торговой сделки в законодательстве должно быть одно. Различные ведомства могут, конечно, из сферы торговых сделок, установленной законом, выбирать некоторые и связывать с ними особые последствия, регулировать их, в виде исключения, несколько иначе; но эти ведомства не могут давать несколько совершенно различных по существу друг от друга определений торговой сделки. Иначе в законодательстве получается каша, в которой правая рука не знает того, что делает левая.

На каком же определении торговой сделки нашего законодательства следует остановиться?

На определении торговой сделки, данном в положении о промысловом, во всяком случае останавливаться не стоит, так как оно слишком расплывчато (под него можно подвести сделки, совершенно не характерные для массового оборота), и, кроме того, оно вовсе не является выводом из других статей и циркуляров, относящихся к промысловому обложению, так как, приняв во внимание эти статьи и циркуляры, надо было бы дать то же самое определение торговой сделки, которое дает и Наркомвнупторг. Определение ст. 1 сводного циркуляра слишком поверхностно и неопределенно.

Что касается определения торговой сделки, данного в Уст. о герб. сборе, то оно грешит противоположным, своей узостью. Слишком мало сделок Устав причисляет к торговым, сама же жизнь толкает к сравнительному расширению области этих сделок.

Для того, чтобы интересы фиска при обложении сделок гербовым сбором были все-таки соблюдены, не надо давать особого определения торговой сделки, а надо лишь указать, что из общей массы торговых сделок сделки по покупке товаров для перепродажи в торговых предприятиях, а также при покупке вспомогательных материалов, используемых без погашения в торговых или промышленных предприятиях

тиях, облагаются так-то, а другие торговые сделки облагаются иначе. Было бы просто и ясно.

Определение торговой сделки, данное Наркомвнутормом в инструкции о регистрации внебиржевых сделок, понимает торговлю очень широко, так как к торговой деятельности относят и производственную деятельность, но оно выделяет из этой широкой области сделки, подлежащие регулированию в интересах массового оборота, тем, что требует, чтобы хотя один из контрагентов был торговым предприятием, т. е. занимался торговлей или производственной деятельностью в виде промысла. Это определение с точки зрения хозяйственных интересов отвечает своему назначению: выделить действительно область отношений массового оборота.

В заслугу этому определению должно быть поставлено и то, что оно считает торговыми сделки предприятий независимо от того, зарегистрированы они в реестре или нет. Правда, действующее законодательство о торговой регистрации и постановление о торговой регистрации СНК Союза ССР от 20/X—25 г. (еще не вошедшее в силу) требуют для ряда предприятий обязательной регистрации в реестре, но отсюда не следует, что предприятия, регистрации которых в реестре не требуется, не могут называться торговыми и не могут заключать торговых сделок (обратное вытекало из ст. 97 проекта Торг. свода). Этим подчеркивается, что регистрация преследует не цели сделать предприятие торговым, а особые цели, указанные в п. 2 упомянутого постановления СНК от 20/X—25 г.

Однако, нельзя сказать, что то определение торговой сделки, которое дает Наркомвнуторг в инструкции о внебиржевых сделках, соответствует в полной мере всем действующим положениям нашего законодательства, — с точки зрения действующего законодательства это определение должно быть дополнено.

Такое дополнение вытекает прежде всего из прил. 3 к Г. К. (к прим. к ст. 16), озаглавленного «О мерах к урегулированию торговых операций государственных учреждений и предприятий», в котором говорится, что государственные производственные и торговые учреждения и предприятия имеют право производить торговлю лишь предметами своего производства или предметами, торговля коими входит в круг их деятельности согласно уставов и положений о них (ст.ст. 1 и 2).

Правда, это приложение Г. К. трактует лишь о государственных предприятиях, но на кооперативные организации, а также частные юридические лица распространяется общее правило ст.ст. 13 и 14 Г. К., по которому

юридическое лицо должно действовать лишь в пределах своего устава. При этом правоспособность товариществ определяется в подлежащих случаях товарищеским договором.

Торговая же деятельность предприятий физических лиц в смысле ограничения ее лишь предметами, относящимися к кругу их деятельности, определяется положением о промысле, которым предписывается при выборке торгового или промышленного патента определять точно предмет деятельности предприятия, род производства или торговли. Всякая перемена предмета деятельности — рода производства или торговли — должна быть отмечена в патенте, так как каждому виду торговли или производства соответствует особая норма уравнораспределения.

Итак, с точки зрения Наркомвнуторга, дополненной в соответствие с действующим законодательством, сделка должна считаться торговой в том случае, когда она совершена от лица предприятия, занимающегося торговой или производственной деятельностью в виде промысла предметами, входящими в круг его деятельности.

Последнее дополнение нашего законодательства является в высшей степени целесообразным по следующим соображениям: 1) оно необходимо для того, чтобы госучреждения и другие юридические лица, увлеченные прибылью и становящиеся с этой целью универсальными торговыми предприятиями, не упускали из виду своей основной цели; 2) оно необходимо для точного учета органами, регулирующими торговлю, всех видов торговли и установления правильного порядка реализации товаров; 3) оно необходимо для органов фиска, устанавливающих размеры обложения в зависимости не только от организационной структуры предприятия, но и от рода объектов торговли или производственной деятельности, и 4) подобная специализация торговых и производственных предприятий так же необходима для развития их деятельности и для общего развития товарооборота, как и разделение и специализация труда необходима для развития производительных сил страны.

В заключение к уже высказанным нами выше пожеланиям относительно уничтожения многообразия определений торговой сделки в нашем законодательстве добавим: нужно пожелать, чтобы общее определение торговой сделки, вытекающее из всего нашего действующего законодательства и имеющее в своей основе положения, высказанные Наркомвнутормом, было бы приведено целиком в каком-либо одном законодательном акте, а не было бы разбросано по отдельным инструкциям, постановлениям и положениям.

В. Метлин.

г. Минск.

Система и порядок рассмотрения жалоб на вступившие в законную силу решения нарсудов по гражданским делам*).

Одной из особенностей нашего судебного процесса по гражданским делам согласно принципов ГПК является его быстрота. Ряд статей ГПК побуждает суд и стороны вести судебное дело таким образом, чтобы оно как можно скорее было разрешено. Достаточно указать на ст.ст. 6, 72, 80, 106 и ряд других, направленных к пресечению волокиты.

*) Признавая в целом правильными практические предложения т. Вольфсона, Редакция оговаривает свое несогласие как с оценкой принципа единства кассационной практики, так и взглядами автора на судебный надзор прокуратуры, неправильно освещенные в настоящей статье. Редакция.

Нет сомнения в том, что в этом стремлении к ускорению процесса сказалось правосознание трудящихся масс рабочих и крестьян, для которых судебный процесс есть событие очень болезненно переживаемое, есть явление, которое необходимо поскорее ликвидировать. Наиболее решительно и ярко сказалось наше стремление к суду скорому в упразднении апелляционной инстанции. Мы не ограничились, однако, и этим. В целях ускорения судопроизводства мы взамен единого республиканского кассационного суда создали систему местных кассационных судов — губсудов, приблизив кассационную инстанцию к населению; далее

в тех же целях ускорения процесса мы предоставили кассационным судам возможность в некоторых случаях вместо отмены решения и передачи дела на новое разрешение изменять решение в порядке 246 ст. ГПК.

Отмена апелляционных инстанций, сообщение губсудам прав кассации, т.-е. наблюдения за законностью решений, исходит из доверия к народному суду с народными заседателями и из уверенности в том, что основы нашего судостроительства, как и всего нашего советского строительства, достаточно обеспечивают единообразное понимание и применение принципов нашего законодательства. Практика наших народных судов, как судов первой инстанции, безусловно дает много случаев неправильного разрешения по существу отдельных дел. Это, однако, не дает повода к тому, чтобы восстановить апелляционный порядок обжалования. Ибо как бы хорошо ни были разобраны дела в двух инстанциях, и эти дела могут быть обжалованы в кассационном порядке и дать соответствующий процент брака. То обстоятельство, что суд, разбирая дело, сознает, что его решение окончательно, значительно поднимает его работу, сознание ответственности и улучшает в общем качество его работы. То же самое следует сказать и относительно работы местного кассационного суда. Основная задача кассационной инстанции заключается в проверке законности решения. У нас нет и не может быть местных точек зрения на законность. Задача губернского суда, как суда кассационного, заключается в проверке соответствия решения требованиям закона и принципам законности. Возложение этой функции на кассационное отделение губернского суда превращает его в орган, главное назначение которого заключается в наблюдении за законностью. Безапелляционность его определений, повышая ответственность, способствует углублению его работы. Поэтому, несмотря на возможность отдельных вольных или невольных, сознательных или бессознательных ошибок в работе кассационных отделений губсудов, мы далеки от упреждения их как кассационных судов, окончательно разрешающих споры, мы далеки от мысли создания единого кассационного суда. Мы далеки от этого потому, что в наших политических условиях, в наших социальных отношениях нет налицо условий, которые бы питали расхождения между местами и центром по вопросам применения закона. Если мы констатируем, что в ряде мест кассационные отделения губернских судов допускают ошибки в формулировке тех или иных юридических положений, если эти формулировки расходятся с теми указаниями, которые исходят из центра, то эти расхождения являются случайными, основанными на временной недостаточной квалификации наших местных работников, но отнюдь не на каких-либо более глубоких факторах. Это выдвигает и, быть может, заостряет вопрос о срочных мерах к поднятию квалификации наших судей, но ни в коей мере не требует каких-нибудь изменений в принципах построения всей нашей судебной системы.

Читатель, быть-может, спросит, к чему понадобились эти (довольно длинные) рассуждения по поводу азбучных положений нашего процессуального права. Мы считаем себя вынужденными о них напомнить в связи с тем, что за последнее время мы в практической работе сталкиваемся с таким направлением, с такой тенденцией в движении гражданских дел, которые в корне расходятся с этими принципами нашего процесса. Мы имеем в виду принявшее уродливые формы использование статьи 254 ГПК об обжаловании в порядке надзора вступивших в законную силу решений народных судов и кассационных определений губернских судов. Для иллюстрации этой, на наш взгляд, уродливости мы приводим следующие цифры жалоб, по-

ступивших через Московскую губернскую прокуратуру на решения московских судов в порядке ст. 254 ГПК:

За 1924 год поступило	308 жалоб.
» 1 полуг. 25 г. »	673 »
» 2 » 25 г. »	1324 »

Заслуживает внимания тот факт, что эти жалобы относятся по преимуществу к жилищным делам, при чем относительно и абсолютно число жалоб по жилищным делам растет.

В 1924 году жалобы по жилищным делам составляли 54%, в 1-е полугодие 1925 года они составляли 70%, а во втором полугодие 1925 года они составили уже 85% всех жалоб.

Московской губпрокуратуре пришлось во 2-ю половину 1925 года рассмотреть 1.324 дела, для чего их надо было затребовать из губсуда и из нарсудов, и в результате этого рассмотрения прокуратура усомнилась в стопроцентной правильности 27 решений. Дела по этим решениям были направлены через Центральную Прокуратуру в Верховсуд. Столько решений из числа обжалованных в порядке надзора отменено Верховным Судом, нам неизвестно; по предварительным сведениям, имеющимся в Московской губпрокуратуре, за все время с 1924 года из Верховного Суда вернулось к 1 января 1926 года 17 дел, по коим решения отменены. Опять-таки преобладающее число этих дел—это дела жилищные.

О чем говорят эти цифры? Они говорят о том, что среди широких слоев тяжущейся публики создалось убеждение в том, что определения губернского суда не являются окончательными, что на них имеет смысл жаловаться. Благо, никаких расходов это не требует. А бумага все стерпит. На ней можно написать столько «ужасов», уличить суд в стольких беззакониях и проч. смертных грехах, что прокуратура не сможет пройти мимо. А главное ведь, чтобы дело было затребовано, а там, смотришь, последует приостановление исполнения решения, а если приостановления не последует со стороны Центральной Прокуратуры, то можно спекулировать на психологическом эффекте, производимом фактом затребования дела в порядке надзора. По любому делу и сторона пошатнется в уверенности в своей правоте, а то и судебный исполнитель повременит «капителиться» с исполнением, которое впоследствии придется «поворачивать». Такая волокита в подлинном, отнюдь не преувеличенном виде, как мы видим, происходит по 2.377 делам, исключительно в виду того, что единицы этих дел (17) подлежат пересмотру. Мы выше подчеркивали, что вся эта волокита особенно характерна для жилищных дел, т.-е. для тех дел, нормальное, законное разрешение коих наталкивается на те исключительно критические условия, в коих они возникают. В этих делах 2.377 жалоб не есть средство осуществления законности, а самая подлинная борьба, противодействие закону вынесенным решениям.

Остановимся на причинах этого катастрофического роста обжалований в порядке ст. 254 ГПК.

В первую очередь следует поставить вопрос, не является ли одной из причин этой лавины жалоб ухудшение работы суда. Думается, что для такого заключения нет никаких оснований. Об этом говорит, во-первых, ничтожное сравнительно с числом жалоб число протестов прокуратуры и, во-вторых, еще меньшее число отмен Верховного Суда по этим жалобам.

Правильный ответ на вопрос о причинах роста этих дел мы получим, если обратим внимание на темп роста обжалований, на резкий скачок в сторону увеличения числа жалоб со второй половины 1925 года, т.-е. с изданием новой редакции 254 ст. ГПК.

По старой редакции 254 ст. ГПК прокуратура имела право протеста на решения по законченным гражданским делам, лишь когда решениями нарушены интересы рабоче-крестьянского государства и трудящихся масс; по измененной законом от 5 мая 1925 года редакции этой статьи такой протест возможен и тогда, когда в решениях имеются существенные нарушения действующих законов. В виду этого намечается, как нами указано, тенденция к использованию 254 ст. как повода вторичного кассационного обжалования, притом в суд высшей категории.

Аналогия с кассационным обжалованием тем полнее, что по существу эти жалобы рассматриваются кассационной коллегией Верховного Суда. То обстоятельство, что жалобы не подаются непосредственно в Верховный Суд, а в прокуратуру, по существу ничего не меняет, ибо фактически пересмотр дела совершается. Больше того, фактически получается такое положение, что вопрос о законности вынесенного решения предварительно рассматривается, а по большей части и разрешается прокуратурой. Создается положение, что местный губернский суд поднадзорен, прокуратуре. Мы говорим, что суд, а не дела поднадзорны, потому, что когда жалобы приносятся и принимаются по тысячам дел, когда прокуратура все их систематически просматривает, одни из этих дел отбирает для протеста, а другие возвращает, то фактически получается детальный контроль прокуратурой всей работы суда. Не даром кассационному суду по объявлению определений, коим неизбежно одна сторона недовольна, приходится выслушивать такие заявления: «Что ж, ничего, мы еще посудимся, я буду жаловаться на вас прокурору». Такие взаимоотношения между судом и прокуратурой вряд ли мыслились при издании ГПК.

Мы считаем это положение в высокой степени ненормальным не только потому, что этим создается ненормальное, можно сказать, противостественное взаимоотношение между судом и прокуратурой, но также и потому, что фактически создается такое положение, в силу коего решения двух коллегиальных судов контролируются единоличным органом—прокурором. В последнее время это единоличное окончательное решение по вопросу о направлении жалоб корректируется тем, что циркуляром НКЮ № 259 введен порядок обжалования постановлений прокуратуры в Центральную Прокуратуру. Но против этого порядка, установленного упомянутым циркуляром, приходится возражать самым решительным образом. Ибо этот циркуляр возводит еще несколько надзирающих инстанций над местным надзирающим органом. До сих пор, худо ли, хорошо ли, по усмотрению местного прокурора окончательно разрешало вопрос о направлении дела на пересмотр. Теперь отказ местной прокуратуры подлежит обжалованию в Центральную Прокуратуру. Кроме того, циркуляр предусматривает жалобы в порядке надзора, подаваемые помимо местной прокуратуры еще помощнику прокурора при Верховном Суде, а также непосредственно Центральной Прокуратуре. Досужему жалобщику открываются, следовательно, три двери для дальнейшей волокиты: в губернскую прокуратуру, помощнику прокурора при Верхсуде и в Центральную Прокуратуру.

Мы ставим вопрос: зачем все это нужно? Мы полагаем, что на основании имеющихся у нас и приведенных выше материалов все это равно ни к чему, что это лишь отнимает напрасну время у граждан, отвлекает и суд и прокуратуру на ненужную работу. Нам могут привести массу «анекдотов» из практики судов, требовавших этого экстренного вмешательства. Мы же позволяем себе утверждать, что, будь этих «анекдотов» во много раз больше, они не могут служить оправданием того несестественного положения, которое у нас создается, когда гражданин, про-

ведя дело в двух инстанциях и добившись своего права, не может быть уверен в прочности признанного за ним права. Кроме того, очень существенное значение в наших условиях имеет практическая сторона дела. Лучше направить тех квалифицированных работников прокуратуры, которые на основании одних документов, не имея перед собой непосредственно тяжущихся, решают вопросы о правильности решений судов, на работу в суды. Пусть они там используют свои знания законов и понимание нашей политики на непосредственном разрешении споров. Это будет во много раз полезнее, чем безрезультатное переделывание многих тысяч законченных уже в суде производств в целях восстановления поправаемой якобы судом законности. Мы думаем, что поскольку в настоящее время не ставится вопроса об упразднении обжалования решений в порядке надзора, то его следует ввести в такие же рамки, что и надзор по уголовным делам, разрешаемым народными судами. Представляется ничем необъяснимым, почему определения губсуда по уголовным делам проверяются в порядке надзора пленумом губернского суда, а определения по гражданским делам нуждаются в каком-то особом, чрезвычайном надзоре Центральной Прокуратуры и Верхсуда. Далее представляется ненормальным отношение председателя губсуда к признаваемым им неправильным определениям кассационной инстанции по гражданским делам. Он лишен права протеста по таким определениям, оп в этом отношении связан оценкой прокуратуры. Иско, что в настоящее время работа суда по гражданским делам приобретает все большее и практическое и политическое значение, естественно усиление внимания предгубсуда к работе подведомственных ему органов в этой работе, за которую он несет политическую ответственность. И вот оказывается, что, заметив ошибку, предгубсуда лишен самостоятельности и инициативы в деле ее исправления. Ошибку уголовного приговора он может представить к исправлению, а ошибку гражданского решения он в этом порядке исправить не может.

Только схематическое, не считающееся с фактической ролью предгубсуда, как руководителя всей судебной работы губернии, отношение к этому вопросу создает нынешнее ненормальное положение. Наше судоустройство позволяет разрешить этот вопрос гораздо проще, без сосредоточения функций по надзору в одной из двух частей судебной организации губернии: в прокуратуре или губсуде. У нас есть пленум губсуда, разрешающий вопросы при участии прокурора. Сюда и прокурор и предгубсуда должны быть правомочны представить свои соображения по вопросу об отмене решений или определений в порядке надзора. В случае расхождения вопрос должен быть перенесен в Верхсуд.

То, что мы предлагаем в настоящее время по затрагиваемому вопросу, частично уже практиковалось. По положению о судоустройстве издания 1922 г. дела в порядке надзора вносились в пленум губсуда. Но тогда пленум не решал окончательно вопроса об отмене решения, а представлял дела со своими соображениями в Верхсуд. Этот порядок теперь отменен, при чем в отношении уголовных дел права пленума губсуда расширены в том смысле, что он вправе выносить окончательные постановления об отмене приговоров или определений или об оставлении протестов без последствий, в отношении гражданских дел права пленума губсуда совершенно умалены, ибо теперь такие дела и не подлежат внесению в пленум. Выше мы уже высказывали свое недоумение по поводу этого различия.

По поводу выдвигаемого нами пожелания о единообразных правилах рассмотрения в порядке надзора дел гражданских и уголовных и о соответственном расширении компе-

тении пленума могут быть высказаны следующие сомнения. Где гарантия того, что предлагаемый порядок уменьшит волокиту, сведет число случаев обжалования в этом порядке к более или менее нормальной величине. Мы думаем, что выдвигаемый нами порядок меняет в корне представление о существе этого порядка обжалования. Уже самое рассмотрение дел пленумом, а не судебной коллегией создает иное представление о существе этого порядка обжалования, как совершенно исключительном. Далее окончательное решение вопроса о силе решения в составе всей судебной корпорации губернии с выслушиванием соображений кассационной коллегии, вынесшей определение об утверждении решения нарсуда, дает большие гарантии для сохранения в силе решения. Заключение по делу прокурора, даваемое в открытом заседании пленума, гораздо ценнее и содержательнее того решения по спорному вопросу, к которому приходит прокурор, когда он единолично решает вопрос по докладу того или иного помощника. Наконец, возможность в случае расхождения прокуратуры с большинством пленума перенесения вопроса в Верховный Суд является вполне достаточной гарантией соблюдения законности.

Высказывалось соображение о том, что опасно, де, при-
сваивать пленуму право вынесения постановлений в по-
рядке надзора по гражданским делам потому, что пленум
может слишком часто отменять решения по гражданским
делам, а эти решения нуждаются в сугубой неприкосновен-
ности. Нам думается, что предлагаемый нами порядок даст
вполне достаточные на этот счет гарантии.

В заключение позволяем себе указать на то, что за-
трагиваемый нами вопрос представляется нам не только
в высшей степени важным, но и чрезвычайно острым.
Вопрос этот среди судебных работников г. Москвы под-
вергался весьма детальному обсуждению, при чем предла-
гаемая нами мера встретила единогласное одобрение как
членов губсуда, так и близко стоящих к этому вопросу
работников прокуратуры. Не только практическая, но и
судебно-политическая важность этого вопроса заслуживает
того, чтобы этот вопрос был поставлен на обсуждение
предстоящих губернских и республиканского съездов дея-
телей юстиции. До этого желательно было бы осветить
этот вопрос на страницах нашей печати.

Ф. Вольфсон.

Упрощение процесса, но не сужение участия в работе суда нарзаседателей.

Статья тов. Подковского («ЕСЮ» № 9), намечающая ряд конкретных предложений к упрощению уголовного процесса, встретит широкий отклик и будет достаточно детально разобрана, и места внесут в этот план свои поправки. Не ставя себе в своей статье задачи проанализировать все выдвинутые предложения, останавлиюсь лишь в части предлагаемого тов. Подковским упрощения судебного процесса путем передачи ряда дел на единоличный разбор судьей, без участия народных заседателей.

Такой упрощенный порядок разбора без народных за-
седателей тов. Подковский предлагает по ст.ст. 81а, 81б,
1 ч. 81в, 1 ч. 81ж, 100, 101, 102, 139, 141, 154, 1 ч.
157, 172, 173, 174, 176 и 190 с лирами.

Тов. Подковский в своей статье дает и принципиальное обоснование, почему он в этих делах считает возможным обойтись без участия нарзаседателей. «На участие тру-
дящихся в работах суда в качестве нарзаседателей мы
смотрим в значительной мере как на школу, и поэтому
тот краткий срок, который трудящийся проводит в суде,
должен быть всемерно использован в этом именно отноше-
нии. Трудно ожидать благоприятных результатов от уча-
стия трудящегося в рассмотрении всех тех мелких дел,
которые проходят через нарсуды и не носят характера
сколько-нибудь принципиального как с точки зрения поли-
тико-общественной, так и с точки зрения бытовой».

Мы в корне не согласны с обоснованиями тов. Подков-
ского. Ошибка тов. Подковского заключается в том, что
в участии в работе суда нарзаседателя он, главным обра-
зом, усматривает цель воспитательную, политическую
учебу для самих заседателей. Конечно, участие в суде
имеет для рабочих и крестьян огромное воспитательное
значение, как и участие в работе советов. Но это далеко не
все, для чего мы привлекаем в нарсуд народных заседа-
телей. Суд—важный орган диктатуры пролетариата, и уча-
стие в суде рабочих и крестьян непосредственно от сохи
и станка обеспечивает правильность выносимых пригово-

ров и решений и гарантирует, что не будет отрыва проле-
тарского суда от масс.

В своей книге «Как устроен и работает советский
суд» тов. Крыленко так именно и разъясняет цель су-
ществования у нас института нарзаседателей. Вот как об
этом говорится в книге тов. Крыленко: «Основное суще-
ство нашего суда, что он построен так, что трудящиеся
население обязательно непосредственно участвует в ви-
несении каждого судебного решения. Широкие трудящиеся
массы действительно по очереди вовлекаются и могут быть
вовлечены в работу суда, они участвуют своим разумом
в разрешении всех дел частных и общественных по охране
установленного рабоче-крестьянской властью порядка,
разрешают все вопросы гражданских споров, разрешают
вопросы о виновности тех или других нарушителей уста-
новленного общественного порядка и этим самым
охраняют своим решениям суще-
ствующий государственный строй» (курсив
наш. И. Р.).

Именно поэтому-то тов. Ленин, говоря о нашем народ-
ном суде, сказал, что он «является органом поголовного
привлечения бедноты к государственному управлению,
именно поголовного, с той целью, чтобы все трудящееся
население, сплошь по возможности, принимало участие
в разрешении судебных дел по охране существующего,
установленного Рабоче-Крестьянским Правительством пра-
вопорядка».

Заметьте, что главное—это вовсе не учеба самого нар-
заседателя, а охрана через участие в судебной работе
народного заседателя установленного Рабоче-Крестьянским
Правительством правопорядка.

Выяснив неправильную принципиально постановку
вопроса тов. Подковским, разберемся по существу его пред-
ложения, насколько предлагаемые для разбора дела без
заседателя действительно маловажны.

Возьмем одну из предлагаемых статей—176 (о хулиган-
стве). Можно смело сказать, что хулиганство—это бич

нашей общественности. На окраинах городов в рабочих поселках и даже у нас, в Москве, в рабочих районах хулиганы иногда подрывают клубную работу. Против этих врагов советский общественности приходится принимать ряд решительных мер, прибегать для борьбы к самостоятельности молодежи. Во многих местах выделяются специальные десятки для борьбы с хулиганством. В некоторых клубах, где из-за хулиганства срывалась всякая работа, был восстановлен ряд показательных процессов, после чего восстанавливался порядок. Мне рассказывали, какое огромное впечатление эти суды производили на рабочую массу, укрепляя доверие к Советской власти. Важность борьбы с хулиганством при помощи судебной репрессии отмечалась членами II сессии ВЦИК при обсуждении проекта Уг. Код. Можно ли при этих условиях считать хулиганство маловажным преступлением?

Или возьмем дела по 157 ст. УК. Под эту статью попадают случаи избиения мужем своей жены. Разве эти дела маловажны, что им и не стоит уделять много внимания? Не потребуются ли для разрешения этих дел знания быта, с чем гораздо лучше справятся нарзаседатели, нежели судьи?

Мы не можем согласиться с тем, что дела о клевете (174 ст. УК) принадлежат к незначительным, легко разрешаемым делам. Напротив, из нашей практики мы знаем, что по этим делам судами сплошь и рядом допускаются ошибки, которые исправляются при последующем пересмотре этих дел. По делам о клевете приходится не только устанавливать событие преступления, то-есть в данном случае оглашение позорящего обстоятельства, но и устанавливать злостность обвиняемого, а также входить сплошь и рядом в оценку деятельности потерпевшего от клеветы лица. Вообще дела о клевете—это очень серьезные дела, пожалуй, более сложные, нежели дела о кражах.

Нельзя признать маловажной статью 139, в которой говорится о скупке и сбыте в виде промысла продуктов и материалов, относительно которых имеется специальное запрещение или ограничение. Что в данном случае мы имеем дело с преступлением, непосредственно угрожающим государству, ясно всякому, недаром здесь санкция не ниже шести месяцев лишения свободы с конфискацией части имущества.

Я беру наиболее распространенные бытовые дела (ст. 172 УК); эти дела мелки по своему содержанию, таких дел проходит перед нашим судом очень много, но в этих случаях можно с уверенностью сказать, что единоличный разбор дела здесь будет гораздо меньше авторитетен для

судящихся. Не напомним ли это старый мировой суд, где вопросы также разрешались единолично!

Вместе с тем мы считаем, что перечисленные виды угол. дел имеют для самого нарзаседателя огромное воспитательное значение. Ничего, что эти дела бывают мелки; важно, что разбор возникающих конфликтов на почве ли хулиганства, личных оскорблений в семье по-старинке, вскрывает ненормальный старый бытовой уклад, и новая жизнь, новый быт через наш советский суд еще больше закрепляются и как единственно приемлемые отношения внедряются в сознание широких масс. С этой точки зрения разбор дела о хулиганстве может иметь большее воспитательное значение, чем дела об убийстве.

Из судебной хроники мы знаем, что в деревнях дела о хулиганстве вызывают огромный интерес в крестьянских массах, и сотни крестьян стекаются на эти дела.

Сейчас, когда важнейшая политическая задача—втянуть массы в дело советского управления, нам изыскивать средства сокращения этого участия не приходится. Пункт Пункт 11 программы нашей Партии говорит следующее: «Российская Коммунистическая Партия должна стремиться к тому, чтобы все трудящееся население привлекалось к отправлению судебных обязанностей». Вот наша цель, которая вытекает из общих политических задач, наибольшего вовлечения масс в дело советского управления. Правовое просвещение трудящихся через участие их в работе суда мы имеем как следствие, и это очень важно. Нам важны нарзаседатели, так как с их участием мы имеем гарантию наиболее правильного с классовой точки зрения разрешения дел. Мало того, участие нарзаседателей придает огромную авторитетность нашему суду. В тех случаях, когда на рабочих и крестьянских собраниях мне иногда указывали на неправильную линию суда при решении некоторых дел, то наибольшее успокоение всегда достигалось ответом, что в нашем суде решают дела наравне с судьей народные заседатели из таких же рабочих и крестьян и от них же самих зависит в дальнейшем более правильное разрешение судебных дел.

Подводя итог всему, мы должны сказать, что упрощение УПК путем сокращения участия в работе суда нарзаседателей в корне противоречило бы нашей судебной политике. Напротив, нам нужно добиваться наиболее полного широкого участия и наибольшей активности рабочего и крестьянина в работе нашего суда, для чего придется потратить еще немало сил.

И. Ростовский.

Отстранение обвиняемого от должности по требованию следственных органов.

Законодательно предлагая следовательно разрешить вопрос об отстранении обвиняемого от занимаемой последним должности, ст. 142 УПК вызывает, и не может не вызывать, ряд вопросов при практическом ее применении.

Прежде всего ни УПК, ни циркуляры Верховного Наркомюста не разрешают основного вопроса, встающего перед следователем при применении ст. 142 УПК, а именно: является ли отстранение от должности обвиняемого мерой, предназначенной для гарантии правильного ведения следствия, или мерой предварительной и социальной защиты, аналогичной по своим мотивам заключению под стражу из соображений социальной опасности обвиняемого. От разрешения этого основного вопроса, помимо постановки и разре-

шения вопросов, отсюда вытекающих, зависит и самый объем применения ст. 142 УПК.

Попытаемся же ответить на этот вопрос. Несомненно, первоначально, по мысли законодателя, ст. 142 УПК имела первую из названных целей. За это говорит прежде всего ее местоположение в Кодексе: а) непосредственно перед главой о мерах пресечения, преследовавших лишь цели по ограждению правильного предварительного следствия и обеспечения явки обвиняемого в суд,—мерах пресечения, не знавших до 12 декабря 1925 г. мотива социальной опасности в своем применении; б) в главе о предъявлении обвинения, т.-е. того кульминационного момента предварительного следствия, когда следователь уже ясно нацү-

пал виновника преступления, но важно не проморгнуть доказательств и установить точно объем преступления.

Если для гарантии следствия далеко не всегда нужно содержание под стражей, то все же сплошь и рядом встречается необходимость лишения обвиняемого возможности влиять на подчиненных свидетелей-сослуживцев и, незаконно пользуясь правами должностного лица, уничтожать или подтасовывать необходимые для следствия документы. Нахождение предполагаемого преступника на должности, предоставляющей ему возможность замести следы своего преступления, грозит крахом предварительного следствия, и естественно, что защита последнего требует отстранения обвиняемого от занимаемой должности.

Одновременно со всем этим о применении ст. 142 УПК для предварительной социальной защиты от предполагаемого еще преступника в Кодексе нет ни слова. Казалось бы поэтому, что применение ст. 142 УПК должно было ограничено следователем лишь случаями необходимости защиты правильного ведения следствия.

Практика предварительного следствия стала, однако, на другой путь. Поскольку в ст. 142 УПК не содержится других прямых ограничений для отстранения от должности следователем, кроме привлечения отстраняемого к следствию в качестве обвиняемого, ст. 142 УПК стала широко применяться, как предупредительная мера социальной защиты.

Хотя бы все данные для обвинения агента угрозыска по 112 ст. УК, заведующего каким-либо общественным магазином по 113 ст. УК, финансиста по 114 ст. УК, работника треста по 128 ст. УК и т. д. были уже собраны и данному следствию никакая опасность грозить уже не могла, в целях предупреждения повторения преступления до суда (срок которому еще неизвестно когда наступит) отстранение может применяться следователем и применяется нередко на деле, когда с точки зрения следователя есть достаточные основания опасаться повторения преступления. Помимо того, оставление обвиняемого до суда на работе в учреждении, где им было совершено преступление, создавая среди сотрудников учреждения впечатление о безнаказанности виновного, грозит дальнейшими осложнениями в виде возможности подражания, а в обывательской массе может даже посеять известное недоверие к следственному аппарату.

Таким образом, ст. 142 УПК, являясь сильным оружием для защиты предварительного следствия, для обеспечения правильности его ведения, одновременно приняло и другое назначение—досудебную социальную защиту. Целесообразность последнего отрицать невозможно. Если следователь для предупредительной меры социальной защиты в отношении лиц, совершивших преступление по какой-либо из 35 ст.ст. УК, имеет право избрать такую решительную меру, как содержание под стражей (последняя редакция ст. 158 УПК—«Известия ВЦИК» № 284 от 12 декабря 1925 г.), то право на применение гораздо более легкой меры—отстранения от занимаемой должности—вполне естественно.

Здесь встает, однако, второй вопрос, а именно: может ли быть достигнута эта предварительная социальная защита

на основании действующего текста ст. 142 УПК. К сожалению, далеко не всегда. Ст. 142 УПК предоставляет следователю право отстранять обвиняемого от занимаемой должности в момент предъявления обвинения. Вместе с тем следователю не предоставлено права не допускать отстраненного обвиняемого на другую работу.

Хотя момент суда все более и более сближается с моментом совершения преступления, а тем более, значит, и с момента предъявления обвинения, однако, мы еще недостаточно близки к такому положению вещей, чтобы привлеченный к следствию в качестве обвиняемого и отстраненный от должности, но не арестованный субъект ни в коем случае не успел до судебного заседания занять новую должность в другом учреждении и, может быть, совершить и тут новое преступление.

Вполне логично считать, что если на основании постановления следователя гр-н X подлежит отстранению от занимаемой им в тресте должности заведывающего магазином, как лицо, заведомо социально опасное, то такую же опасность он представляет собой и в должности заведывающего одним из магазинов, этого треста (случай из практики). Однако, общего закона, запрещающего занимать лицам, находящимся под следствием, государственную должность тоже нет, да и закон такой был бы нецелесообразным, поскольку значительный процент преступников относится к преступникам случайным.

Таким образом, государство остается негарантированным, чтобы на должности, и даже должности ответственные, не попадали лица, в отношении которых уже было соответствующим следователем вынесено постановление об отстранении их от должности по мотивам социальной небезопасности этих лиц.

Мы видим выход из создавшегося неправильного, с нашей точки зрения, положения в том, чтобы следователю было предоставлено право недопущения отстраненного по его постановлению от должности обвиняемого для занятия всяких или каких-либо определенных должностей до момента судебного разбирательства дела.

Такое недопущение может быть оформлено в виде специального постановления следователя с объявлением постановления под подписку обвиняемого, нарушение коим этого постановления должно влечь за собой специальную уголовную ответственность.

Соответственно с этим я предлагаю дополнить УПК ст. 142-а следующего приблизительно содержания: «В случае, если следователем, на основании имеющегося в деле материала, будет признано, что нахождение обвиняемого на государственной службе вообще или на каких-либо определенных должностях, в частности, грозит вредными последствиями, следователь обязан вынести мотивированное постановление о недопущении обвиняемого к исполнению обязанностей должностного лица вообще или к занятию каких-либо определенных должностей. Постановление сохраняет силу до момента вынесения приговора по делу или прекращения последнего до судебного заседания».

Ю. Тривус.

г. Волоколамск.

Расширение подсудности нарсуда.

Согласно ст. 26 УПК дела, предусмотренные ст.ст. 105, 106, 107, 108 и 116 УК, подсудны губсуду, и нарсуды не должны принимать их к своему производству.

Казалось бы, что все дела, подсудные губсуду, весьма серьезны и нарсуды не смогут справиться с ними. На самом же деле в производстве губсудов иногда имеется значительное количество дел, по характеру своему, социальной опасности и по содеянному обвиняемыми совершенно ничтожные. Возьмем хотя бы значительное количество дел о мелких подлогах (ст. 116 УК), напр., подделка квитанций, денежных документов на ничтожные суммы, расписок на 1 или 2 рубля и т. д., или возьмем некоторые дела по ст. 109 УК: председельсчета, будучи пьяным, без всяких поводов велел церковному сторожу бить в набат, и много, много других подобных дел. Дела, по содеянному совершенно маловажны, а, между тем, в губсудах их имеется множество. Для более детального рассмотрения данного вопроса подойдем к нему с практической стороны. Возьмем следующий пример: Петров, будучи секретарем И-кого сельсовета, совершил подделку в коренке одной квитанции на сумму 2—3 руб. Ему предъявляют обвинения по ст. 116 УК, производится дознание, передоку поддельную квитанцию посылает на экспертизу, по несколько раз в управление милиции вызывают свидетелей и обвиняемого и, наконец, после целого ряда процессуальных действий (иногда совершенно излишних по таким маловажным делам) дознание заканчивается и в порядке ст. 105, п. 3, УПК направляется нарследователю для составления постановления о предании суду; последней, в свою очередь составив постановление, в порядке ст. 26 УПК уже направляет в губсуд. Итак, по маловажному трехрублевому делу работают органы дознания, отвлекаются от своих занятий крестьяне (свидетели для допроса), работает нарследователь. Но на этом заканчивается только первая часть. Теперь начинается действие второе. Здесь главную роль уже играет губсуд. Дело несчастного секретаря попадает в губсуд. Оно назначается к слушанию; а для того, чтобы слушать дело, необходимо вызвать стороны и свидетелей в губсуд, который обычно находится верст на 100—200 (в Сибири), потому что губсуд по такому маловажному делу выездной сессии устраивать не будет. Ну, а каково же свидетелям являться за 120 верст по маловажному делу в губсуд? Таким образом, по маловажным делам стороны и свидетели, да и само государство несут много расходов. Это обстоятельство учитывается губсудами, и на помощь им является ст. 4а УПК. И тут свое дело делают распорядительные заседания губсуда, которые обычно за «маловажностью» и «нецелесообразностью» прекращают такое дело. И не говорю, что поголовно все губсуды пользуются таким методом, но если здраво смотреть на вещи, с точки зрения изложенного выше, то можно с достоверностью сказать, что это так. Следовательно, либо дело слушается губсудом, но связано с расходами для государства и частных лиц, либо же за «маловажностью» прекращается в распорядительных заседаниях губсуда. Таковы два условия, которые создаются 26 статьей УПК. Если взять первый исход, то всякий судебный работник скажет, что маловажные дела по ст.ст. 105, 107, 108, 109 и 116 УК нецелесообразно иметь в производстве губсудов и что их с успехом разберут нарсуды на местах; точно так же нецелесообразно прекращать их и по ст. 4а УПК, ибо в условиях борьбы с должностными преступлениями оставлять безнаказанными такого рода преступления нельзя. Поэтому и здесь нарсуды могут прийти на помощь, разобрать дело на месте.

Если мы посмотрим на санкции некоторых статей нашего Кодекса по должностным преступлениям, то увидим, что она предусматривается соответственно 1-ой или 2-й частью ст. 105 УК, а это в свою очередь влечет за собою прекращение многих, важных по роду содеянного, уголовных дел и передачу их на рассмотрение в дисциплинарном порядке, и вместо следуемой меры социальной защиты обвиняемый получает в дисциплинарном порядке самое ничтожное наказание в виде выговора, ибо самое большее наказание в дисциплинарном порядке—это увольнение с должности. Я не собираюсь здесь обвинять администрацию, которая превращает серьезные уголовные дела в мелкое дисциплинарное производство. Я думаю, что здесь вводит в заблуждение известная недоговоренность некоторых статей главы о должностных преступлениях Уг. Код., которые как раз и создают недоразумения. Возьмите ст. 106 ч. 1 УК; она гласит: «Превышение власти, т.-е. совершение действий... карается наказаниями, предусмотренными соответственно 1 или 2 частью 105 ст. УК»; то же самое и в других статьях, а в статье 109 даже выброшено слово «соответственно».

Ст. 109 УК говорит: «Дискредитирование власти... карается наказаниями, предусмотренными 1 или 2 частью ст. 105 УК». Возникает вопрос, когда же следует применить первую часть и когда вторую часть ст. 105 УК (т.-е. дисциплинарное или уголовное производство)?

Тут вопрос довольно смутен, и при такой свободе выбора наказания, которую предоставляют некоторые статьи главы о должностных преступлениях УК, превращение серьезного уголовного преследования в дисциплинарное неудивительно.

Мне могут возразить, указывая, что дисциплинарные производства возбуждаются только по некоторым проступкам, но не уголовным деяниям должностных лиц. Я на это отвечу, что достаточно просмотреть часть дел в дисциплинарных коллегиях, чтобы убедиться, что здесь происходит путаница. Точная грань между уголовным деянием и должностным проступком еще не определена. Таким образом, здесь есть неясность, которую можно устранить или путем уточнения понятия уголовно-наказуемого деяния и простого должностного проступка, караемого в дисциплинарном порядке, или же устранения недоговоренности некоторых статей главы о должностных преступлениях Угол. Кодекса, давая более точное определение и указав признаки, когда деяние должно караться по 1 или 2 части ст. 105 УК.

Наконец, чтобы покончить с этим вопросом, следует остановиться и еще на одном обстоятельстве: 2 часть ст. 105 УК ставит дисциплинарный суд (коллегию) в определенные рамки, указывая, что в таких-то случаях следует применить такое-то наказание, т.-е. во 2 части ст. 105 определенно указывается, какое надлежит применить наказание (увольнение от должности, возмещение причиненного ущерба и т. д.). Таким образом, казалось бы, что дисциплинарные коллегии должны руководствоваться этим. На самом же деле на практике получается совершенно иное. Дисциплинарный суд никакими формальностями не связан и выносит такое наказание, которое он находит нужным, но не то наказание, которое диктует ему 2 ч. ст. 105 УК¹⁾

¹⁾ Я здесь говорю не о дисциплинарных судах, а о практике дисциплинарной коллегии губсуда; судя по ней, можно говорить и о дисциплинарных судах. Р. К.

Подводя итоги всему сказанному, можно отметить:

1. Нецелесообразность рассмотрения губсудами мелких дел по преступлениям, предусмотренным ст.ст. 105, 107, 108, 109 и 116 УК.

2. Нецелесообразность прекращения подобных дел за маловажностью (ст. 4а УПК) или по ст. 4 и 5 УПК (за отсутствием уголовного деяния) в распорядительных заседаниях губсудов.

3. Отсутствие точного разграничения деяния, преследуемого в уголовном порядке, от деяния, преследуемого в дисциплинарном порядке, что влечет за собою передачу уголовных дел в дисциплинарные коллегии, которые выносят совершенно ничтожные наказания.

Эти выводы еще раз указывают на целесообразность передачи мелких дел¹⁾ по ст. 105, 107, 108, 109 и 116 в нарсуды.

Единственное существенное возражение здесь может быть сделано в отношении ст. 116 УК, именно что нарсуды не справятся с этими делами, потому что они связаны с экспертизой и расчетами и т. д. На такие возражения можно ответить, что если нарсуды справляются с такими делами, как по 1 ч. ст. 113 УК, которая не меньше связана с расчетами и экспертизой, если нарсуды справляются с делами по ст.ст. 180, п. в., и 143, то с мелкими, мало-важного характера делами по ст.ст. 105, 107, 108, 109 и 116 УК они справятся подавну.

гор. Новосибирск.

Р. Коголовский.

Приводы и дактилоскопирование с точки зрения революционной законности.

К числу функций уголовно-розыскных органов относится их право на приводы, дактилоскопирование и фотографирование задержанных лиц. В настоящее время все правила по ведению этой работы издаются центральными органами милиции и уголовного розыска в порядке инструкций или приказов. Ни одним словом об этом не упоминается в Уг.-Пр. Код., регулирующем все моменты движения уголовного дела, начиная от самого его зарождения и кончая производством в высшей инстанции—в Верховном Суде. А, между тем, эти вопросы настолько существенны, необходимость гарантий, предоставленных гражданам в этих пунктах, настолько важна, что регулирование их не в инструктивном, а в законодательном порядке становится проблемой самой первой необходимости и неотложной срочности. Если гражданин арестовывается, задерживается, если у него производится обыск и при этом опечатываются или изымаются какие-нибудь вещи, если его свобода передвижения ограничивается взяткой с него подпиской о невыезде, он всегда легко и свободно может узнать, поступили ли с ним по закону или противозаконно; он с легкостью может найти себе защиту как у высших органов администрации, так и у следователя и прокурора. Ничего подобного он не может сделать, если он был, по его мнению, подвергнут неправильному приводу, ибо самый вопрос о приводах не регламентирован нашим законодательством. Если у гражданина в связи с основательным против него подозрением сняты пальцевые отпечатки (дактилоскопия), если он подвергнут фотографированию, может ли он что-нибудь знать о судьбе этих весьма для него неблагоприятных, порочащих, подчас опасных документов даже в тот момент, когда дело о нем, в виду неосновательности подозрения, официально прекращено? Ничего он не знает, и ничего он знать не может, ибо никто даже не обязан ему ответить на его вопросы по этому поводу.

Начнем с приводов.

§ 315 инструкции о деятельности учреждений уголовного розыска предписывает каждое задержанное и доставленное в утрюзык лицо направлять в стол привода для установления личности и наведения справок о судимости, и § 316 той же инструкции гласит: «В стол привода доставляются не только все лица, задерживаемые сотрудниками уголовно-розыскных учреждений, но и все те лица, которые задерживаются в течение суток в различных частях города или уезда наружной милицией по обвинению в общеуголовных преступлениях, за исключением указан-

ных в § 20 сей инструкции дел о преступлениях, предусмотренных в главе VIII Угол. Код.».

В § 1 «инструкции бюро регистрации» на эти бюро возлагается регистрация в столе привода лиц, задержанных уголовным розыском и доставленных другими учреждениями для проверки личного гражданина. А § 2, перечисляя тех, кого следует препровождать в стол привода, указывает на «лиц, вызывающих основательные сомнения в их самоличности», и на лиц, «заподозренных или обвиняемых в уголовных преступлениях».

Из одного только этого краткого перечня прав и обязанностей уголовных розысков уже явствует, какое огромное поле возможностей находится в их распоряжении для того, чтобы, с одной стороны, бороться со всякого рода преступлениями и своевременно их предупреждать (а это является лучшей и высшей обязанностью уголовного розыска), а, с другой стороны, легко себе представить насколько трудно и двусмысленно положение каждого сотрудника уголовного розыска при осуществлении права на привод. Закон у нас отменил всякое обязательство для граждан иметь какие бы то ни было удостоверяющие их личность документы. Задержание граждан допускается лишь в порядке, предусмотренном ст. 100 УПК. Между тем, инструкция под лицами, вызывающими основательные сомнения их самоличности, понимает лиц неизвестных, не могущих путем достоверных свидетелей или иным путем доказать свою самоличность, и лиц с «документами, вызывающими основательное сомнение в их подлинности». Итак, либо сомнение в подлинности личности задержанного, либо сомнение в подлинности его документов. Стоит только ему предъявить вполне «подлинный» документ (а это еще не значит, что он ему принадлежит), как отпадают все сомнения насчет его личности. Не говоря уже о том, что гражданин этого документа иметь не обязан, мы не можем пройти спокойно и мимо этого формального подхода к делу, ибо кто может лучше и кто будет больше стараться иметь на руках технически правильные документы, как не человек, имеющий все основания бескониться о том, чтобы

¹⁾ Подчеркиваю: мелких дел, ибо есть крупные дела по тем же статьям, которые нельзя передавать на рассмотрение нарсудам. Здесь, как видно, роль определения важных и менее важных дел будут определять распорядительные заседания губсуда, которые затем будут направлять дело по подсудности губсуду или нарсуду. Р. К.

как-нибудь не возникло сомнения в подлинности его самоличности?

Из этого заколдованного круга необходимо во что бы то ни стало найти выход, и этот выход может быть найден только в законодательном регулировании прав и обязанностей уголовных розысков в области приводов. При таких условиях, какие существуют сейчас, ни один сотрудник ни одной минуты не может быть уверен в том, что он не действует вопреки закону, и ни у одного гражданина не может быть уверенности в том, что не нарушено высшее его право, обеспеченное ему ст. 100 УПК.

Теперь, если подойти к вопросу уже не с точки зрения охраны неприкосновенности личности отдельных граждан, а с точки зрения интересов всего государства в целом, как стороны, борющейся с преступностью и преступниками, мы получаем совершенно другую картину. Смейно, конечно, и думать, что можно вылавливать людей, совершивших конкретные преступления, не задев при этом лиц, к данному конкретному преступлению совершенно непричастных, но всем своим прошлым и настоящим, всеми своими навыками и привычками, всем своим поведением дающих вполне обоснованные поводы для того, чтобы заподозрить их принадлежность к преступному миру вообще. Это столь же возможно, как тушить пожар, не повредив при этом ни одного стекла в доме.

Факт привода не ограничивается самым посещением уголовного розыска и теми техническими методами, которые там производятся «для проверки самоличности». Об этих методах мы поговорим особо, а пока остановимся на вопросе о практических последствиях этого привода для самого задержанного. При этом нужно строго различать два случая: первый—когда участие заподозренного в совершенном преступлении доказано не только в стадии производства дознания, но когда и суд в своем обвинительном приговоре установил, что оно действительно было совершено данным лицом. В этом случае все совершенно ясно: до истечения срока давности на счету осужденного в уголовном розыске сохраняются сведения о его осуждении, при чем, разумеется, этой справкой об осуждении погоняются первоначальные сведения о состоявшемся приводе.

Второй случай, уже значительно более запутанный,—когда суд найдет улики, собранные уголовным розыском, недостаточными и вынесет оправдательный приговор. Здесь уже появляется серьезный вопрос, полный значения для обвиняемого; что будет с зарегистрированным приводом—будет он снят или нет? Можно ли будет уголовному розыску делать из него какие-нибудь выводы, или нельзя? Может ли быть выдаваема, и если может, то кому, справка относительно этого привода или не может? Само собою разумеется, что все эти вопросы очень серьезны и важны, и что от того или иного их решения может в значительной мере направиться в ту или другую сторону вся дальнейшая жизнь лица, подвергнувшегося приводу.

Стоит только вспомнить хотя бы, как у нас выдаются справки о судимости, чтобы положение сразу совершенно ясно определилось. Выдаются они и следователям, и прокураторе, и суду, и другим органам дознания. И чего-чего только в них нет! И сведения об оправдательных приговорах, и о дореволюционной судимости, и о послереволюционной, но где уже имеется установленная нынешним законом давность, и, наконец, о приводах очень часто без всякого даже указания на причину привода и на подозрение, его вызвавшее. Если еще к тому добавить, с одной стороны, недостаточно регулярно работу судов по осведомлению органов розыска о вынесенных обвинительных приговорах, а с другой стороны, что, благодаря пронесшим изменениям в квалификации преступления и благодаря большому

промежутку времени между приводом и судебным приговором, редко бывает возможно с точностью установить, что привод и приговор относятся к одному и тому же преступлению, то будет до очевидности ясно, что никто не застрахован от того, что о нем имеются две порочащие его записи за одно только порочащее деяние. Между тем, об оправдательных приговорах уголовные розыски в огромном большинстве случаев вообще ничего не знают, так как о них суды обычно ничего не сообщают, а рассказывают о них только сами заподозренные, которым, конечно, на слово неохотно верят, а если они даже имеют об этом документы на руках, то установление их связи с записанным гораздо ранее приводом наталкивается на те же затруднения, которые мы видели при обвинительных приговорах. Привод, таким образом, продолжает отягощать личный счет гражданина, несмотря на оправдательный приговор. Точно таким же образом, только с еще большей патологией, дело обстоит, если все «дело» уже в самом органе дознания закончилось одним «голым приводом», и ему не было дано никакого движения.

Когда такие справки попадают к следователю, прокурору или судье, они, несмотря на всю их весьма относительную и проблематичную достоверность, все же играют большую роль. При этом психологически приобретает огромное значение и с л о занесенных сведений, и меньше всего внимания уделяется вопросам давности, промежуткам времени между отдельными записями и их содержанием. Количество имеет свойство и в криминалистической области переходить в качество, и по числу хотя бы и мелких столкновений данного лица с нормами уголовного законодательства обычно судят о большей или меньшей напряженности его преступной воли.

Практически это отражается на методах ведения допроса на предварительном и судебном следствии, на доверии к словам и доказательствам, приводимым заподозренным, безусловно отягощая его и так достаточно тяжелое положение и неизбежно отражаясь и на мерах пресечения и на мерах социальной защиты, которые суд для него избирает, и, наконец, продолжая его отягощать уже гораздо позже, когда ставится вопрос о возможности условно-досрочного освобождения.

Но этого мало. В указанных случаях мы все же имеем дело с человеком, которого как-никак судили за «дело», который был судом явственно уличен в совершении уголовного преступления. Бывает и хуже, когда заподозренному удалось доказать, что он не причастен к преступлению, в котором его обвиняют, и когда его старая справка все же делает свое дело. Суд может применить 49 ст. УК и в том случае, когда подсудимый оправдан по данному конкретному делу, но когда суд убедится в его социальной опасности и связи с преступной средой и запретит ему на определенный срок право проживания в определенных местностях. Это убеждение судьи, конечно, чаще всего и прочнее всего базируется как раз на справках о судимости и чрезвычайно сомнительных по достоверности записях о приводах. Но и этого мало. При расчистке городов от преступного элемента, при административных высылках социально-опасных слоев населения вопрос о приводах играет серьезную, подчас решающую роль.

Если бы такие справки выдавались только судебным работникам, было бы, однако, еще с полбеды. Но в том-то и дело, что закон порядка выдачи справок не регулирует, ведомственные инструкции особой точностью также не отличаются, а в результате справку получают каждый, кому только не лень. Правда, за последний год в этом отношении даны определенные директивы, но они по меньшей мере выполняются не с достаточной серьезностью, а о привле-

чении виновных в неправильной выдаче справок к уголовной ответственности мы не знаем ни одного случая. Наоборот, мы отлично знаем случаи, когда на основании выданных справок людям повсюду и везде отказывали в работе, а от уже работающих под тем или иным предлогом как-нибудь да избавлялись.

Таково положение с приводами. Конечно, не лучше, а, вероятно, гораздо хуже дело обстоит с дактилоскопированием и фотографированием заподозренных. И этот вопрос законом нигде и никак не регулируется, и уголовно-розыскные органы на местах должны руководствоваться только одними ведомственными инструкциями. Они значительно точнее и определеннее инструкций о приводах. Здесь как будто бы нет места для кривотолков и отсебятины, однако, и эти инструкции толкуются на местах и вкривь и вкось, жалоб на пенужное и немотивированное дактилоскопирование и фотографирование не оберешься, но и здесь ничего не слышать об уголовной репрессии за превышение власти по отношению к таким злоупотреблениям.

Дактилоскопия—самое верное, наукой вполне испытанное средство для установления личности преступника и для доказательства его тождества с другим, уже ранее зарегистрированным и дактилоскопированным лицом. Дактилоскопия может и должна в иных случаях оказывать уголовно-розыскному аппарату ни с чем несравнимые услуги; но нельзя забывать, что дактилоскопия не есть только активное действие представителя органа власти над заподозренным лицом. Наоборот, при дактилоскопировании заподозренный становится и действительным лицом, от которого в более чем значительной степени зависит успех работы, ибо какой же от нее толк и какой в ней смысл, если благодаря активному или пассивному сопротивлению дактилоскопируемого пальцевые отпечатки не будут отличаться безукоризненной ясностью и точностью? Это не праздный вопрос, а чрезвычайно серьезный, так как отсюда с неизбежностью следует постановка другого вопроса, о том, какими средствами принуждения можно пользоваться, чтобы заставить заподозренного добровольно подвергнуться дактилоскопированию и фотографированию и побудить его выполнить требующиеся от него: не выворачивать пальцев, делать ровный нажим, не искажать лица, не делать гримас и т. д. и т. д.? Совершенно ясно, что государство не может отказаться от своего права применять наиболее гарантирующий от ошибок и самый рациональный способ установления личности преступления. С другой стороны, чтобы это право не выродилось в произвол, необходимо в законе очертить круг случаев и людей, которые должны в этом отношении подчиниться законному требованию государственной власти.

Ничего подобного сейчас нет. Если заподозренный не желает подвергнуться дактилоскопированию и фотографированию (а больше и упорнее всего сопротивляется как раз настоящий преступник), органы уголовного розыска, в сущности, перед ним совершенно бессильны. Полагаться на предположение, что, раз заподозренный уклоняется, он, стало быть,—разыскиваемое преступное лицо, было бы

слишком скоропалительно, примитивно и ненадежно. Что другое ему может грозить? 218 ст. УК—«невыполнение законных требований органов власти». Но ее санкция так низка, что ею не запугаешь настоящего преступника и не всегда побудишь даже невинного человека с легкостью подвергнуться этим процедурам. Нужны совсем другие меры воздействия, но они возможны только тогда, когда требование можно обосновать определенной статьей УПК, а не параграфами ведомственной, для внутреннего употребления предназначенной, инструкции.

Весь ряд поставленных вопросов может толкнуть на мысль о том, что мы принципиально возражаем против приводов, задержаний, дактилоскопирования, фотографирования и т. п. Это было бы совершенно неправильным умозаключением. Мы считаем, что и судебная и административная репрессия по отношению к преступным элементам, как таковым, независимо от совершения ими отдельного преступного действия в данный момент может и должна быть сохранена и даже усилена. В этом отношении существующая (правда, в виде исключения) практика кажущегося игнорирования дореволюционной и покрытой давностью послереволюционной судимости, непредставление суду сведений о таковой нам кажется вредной, только искажающей все судебные перспективы.

Но мы также считаем, что из привода, как чрезвычайно ненадежного факта, нельзя делать никаких юридических выводов ни в судебном, ни в административном порядке. Записи о приводах отнюдь не должны уничтожаться даже при оправдательных приговорах и даже если дело не дошло до гласного дознания, но ни в коем случае сведения о них не должны выходить за стены регистрационного бюро уголовного розыска. Для уголовного розыска они имеют огромное значение, как и вся ведущая им регистрация; такое значение имеют фотографические снимки и дактилоскопические оттиски, но отсюда вовсе не следует, что этими, имеющими только значение технического пособия средствами можно делиться с органами следствия, суда, администрации, другими ведомствами и пр.

От всего этого нужно отказаться. Нельзя идти по линии наименьшего сопротивления и недостаточно четкую и энергичную работу органов розыска превращать в угрозу для заподозренных, но не уличенных людей. Совсем другое моральное значение имеет судебная или административная репрессия по отношению к лицам, уже отмеченным обвинительными приговорами за совершенные уголовные преступления. На этой позиции, и только на ней, надо закрепиться и продолжать ее закреплять.

Если вопрос будет решен в этом смысле, и проблема о задержаниях, приводах, дактилоскопировании и фотографировании будет разрешена законодателем, отпадет очень много спорных, сомнительных, головоломных и недоразуменных задач. Это будет лучше и для граждан, и для самих органов борьбы с преступностью, и лучше всего для действительного осуществления революционной законности.

С. Тагер.

Плановость в работе органов юстиции.

Вопрос о плановости в работе прокурорского надзора, поставленный тов. Лаговниером в № 3 «Е. С. Ю.» на обсуждение, стоит того, чтобы о нем поговорить всерьез.

Надо думать, что в настоящее время всеми руководителями судебных учреждений необходимость перехода к плановому началу осознава уже в достаточной степени.

Это понимают сейчас и те судебные работники как в центре, так и на местах, которым сравнительно еще недавно казалось, что судебному учреждению вообще не к лицу плановость, что плановость и судебная работа—два взаимно исключających друга понятия.

Достаточно указать на вопросы о структуре аппарата, о подборе работников, об организации работ в области развития сети судебно-следственных и прокурорских участков; наконец, такие вопросы, как переброска работников, перераспределение судебно-следственных участков, организация новых камер, ревизионная работа, созыв совещаний и с'ездов,—все эти и многие другие вопросы слишком очевидны, чтобы можно было оспаривать плановое начало в работе судебных органов.

Нельзя также воображать отвлеченно губпрокурора или председателя суда вне указанных выше административно-организационных моментов, составляющих % плановой работы каждого из руководителей того или иного учреждения.

Но если плановость в работе судебных учреждений не является проблемой и стоит уже в порядке дня, как практическая задача, то перед нами возникает вопрос, не кустарничают ли на местах в такой области, где нужен сугубо организованный подход к делу, и как поставить самый вопрос на ноги.

Надо действительно положить конец «анархии в производстве» наших судебных органов, которая обуславливается прежде всего или отсутствием всякого плана или плановыми соображениями на сегодняшний день.

Переходя к статье т. Лаговниера, хотелось бы оговориться, что меньше всего я буду касаться содержания работ наших судебных органов, ибо остаюсь при глубоком убеждении, что и суд и прокуратура усвоили себе в достаточной мере работу в целом и в деталях. Иначе говоря, эти я подчеркиваю, что места хорошо представляют себе содержание плана работ, ибо функции суда и прокуратуры мы можем и должны рассматривать как содержание плана.

Цель настоящей статьи показать другое: в чем заключается плановость в работе и как практически мыслимо и возможно построение плана. Постановка вопроса в такой плоскости необходима потому, что т. Лаговниер не наметил даже схемы построения плана и не подошел, таким образом, к разрешению взятой на себя задачи. «Практические заметки» несут от начала до конца общими местами, и характерное их отличие заключается прежде всего в неуверенности ряда исходных положений. Это видно даже из формулировки каждой почти отрывка «заметки». Например, т. Лаговниер говорит, что «схему плана целесообразно строить по отраслям работы». Значит, какая-то доля целесообразности, быть-может, и значительная, заключается в построении плана и не по отраслям работы?

По мнению т. Лаговниера, только «желатели охват планом работы и участков камер» и «более правильно» поступают те прокуроры, которые дают картину работы всей прокуратуры. Ставя затем вопрос, «включать ли в план текущую работу», автор «практических заметок» высказывается как будто определенно против включения. Но в конце абзаца делает снова противоположные выводы, ибо говорит:

«во всяком случае, включая подобную текущую работу в план, нужно по возможности, хотя бы приблизительно, учесть ее и количественно».

Таких примеров неопределенности точки зрения тов. Лаговниера в затронутом им вопросе можно было бы привести еще много. В общем и целом создается впечатление шаткости всей позиции автора «практических заметок». Это объясняется тем, что он уклонился от принципиальной постановки вопроса и не увязал между собою двух основных моментов: 1) схему и технику построения плана работ и 2) содержание работ вообще. Иначе говоря, остановившись очень подробно на вопросе, что должно явиться содержанием плана работ, т. Лаговниер оставил открытым важнейший в данном случае вопрос, как все-таки строится план работ.

Повторяется обычная история: центр продолжает насыщать судебную периферию общими директивами в виде циркуляров, циркулярных писем, которыми намечаются задания по существу работы, и нет ли одного документа, который касался бы вопросов методологии работы. Этим, вероятно, можно объяснить неудовлетворительность представленных сравнительно недавно с мест в Центральную Прокуратуру планов.

Говоря о недочетах последних, т. Лаговниер поэтому сделал вывод, что большинство из представленных за октябрь—декабрь 1925 года планов неудовлетворительны, что «часть недочетов относится к схеме построения плана», прочие недочеты «относятся к содержанию самой работы или в некоторых случаях к объему ее».

Иначе, т. Лаговниер, в подобных случаях и не бывает, ибо дать общую директиву местам одно, а совсем другое показать им, как план работы строится, т.-е. дать такую схему построения плана, по которой и руководители губернских (краевых и областных) учреждений и тем более центральное ведомство не теряли бы перспектив, основной линии и учета работы периферии.

В этом кроется вопрос.

Анализируя работу, напр., губсуда и губпрокуратуры, мы прежде всего устанавливаем, что она имеет определенные разделы, содержание которых установлено главами 10 и 12 положений о судостроительстве РСФСР.

В сущности говоря, главу 10 и 12 положения о судостроительстве можно без всякой натяжки назвать схематическим планом работ наших органов юстиции на местах. Отмеченные в нем функции мы могли бы даже определить как основные разделы работы наших судов и прокуратуры, ибо директивы центра только регулируют деятельность периферии, детализируя основные моменты их работы.

Вопрос, значит, сводится к систематизации основных моментов в работе судебных органов, в правильном определении отдельных элементов основного задания и, наконец, в определении объектов работ.

Это первая задача при составлении плана.

Остановимся на каком-либо примере. Возьмем хотя бы п. «а» ст. 78 положения о судостроительстве, которую на государственную прокуратуру возлагается осуществление революционной законности. «Осуществление революционной законности» мы и будем считать одним из основных разделов нашего плана, который должен получить конкретные содержание. Для этого достаточно расчленив область общего надзора на отдельные элементы, напр., на: 1) участие в заседаниях исполкомов и других административных органов, 2) пересмотр обязательных постановлений ГИК, 3) проверку

законности производства выборов, 4) учет и расследование дел по разоблачениям в печати и т. п.

Но мы бы остановились на полдороге в построении плана, если бы не определили объектов каждого из перечисленных подразделений основного задания.

И действительно, если бы мы остановились на вышеприведенной схеме, не определив, напр., в п. 3 конкретно, работу каких именно избирательных комиссий и в каком порядке их надо проверить, то это значило бы, что самое задание не охвачено по существу и не изучены источники задания.

Таким образом, ознакомившись с выводами избирательной комиссии, прокурор составляет себе по материалам точное представление об объектах плана работ по «проверке законности производства выборов», намечая в определенной очереди те или иные уезды для обследования. Установленные

им уездные, скажем, избирательные комиссии и некоторые из волостных и будут являться объектами плана работ.

Наконец, следующей задачей будет установление: 1) сроков для исполнения каждого задания по объектам и 2) исполнителей.

В сущности, мы имеем уже схематический, но преоформленный еще набросок построения плана. Достаточно придать ему графическое изображение, чтобы получить то, к чему стремились, а именно: содержание работ уложить в определенную конкретную форму, т.-е. дать содержанию работ такое построение, при помощи которого ясно и четко определится бы общая задач (разделы) всего плана работ, содержание его составных элементов и, наконец, объекты работ, сроки исполнения и исполнитель.

Графически эта форма может иметь, примерно, следующий вид:

Форма № 1

План работ суда (краевого, областного, губернского)
на период от до 26 г.

Разделы.	Содержание плана работ.	Объекты плана работ.	Срок исполнения.	Исполнитель.	Источник плана.	Примечание.
I	Организационная работа. А. Развитие судебной сети	1) Открытие камер дежурных: а) в гор. (указ. город) б) в гор. (указ. город) 2) Открытие камер: а) в уезде (наименование) б) в уезде (наименование) и т. д.	15 апр. 25 апр. указ. срок тоже	Уполн. губ. суда (милищ.) тоже указ. исполнит. тоже	Постановл. пленума губ. суда от (указ. число). тоже	
	Б. Развитие сети следств. участков.	1) Указать объекты. 2) тоже. и т. д.	тоже	тоже		

По этой же форме можно дать построение плана работ и губпрокуратуры.

Допустим, что в работе прокуратуры «надзор за органами следствия» мы отнесем по порядку к III разделу. Тогда по указанной форме план работ будет построен так:

Форма № 1.

План работ прокуратуры (краевой, областной, губернской)
на период от до 26 г.

Разделы.	Содержание плана работ.	Объекты плана работ.	Срок исполнения.	Исполнитель.	Источник плана.	Примечание.
III	Надзор за органами следствия. А. Обзорение следств. дел.	1) Производство ст. следователей: а) (фамилия) б) (фамилия)	15 апр. указ. срок	Пом. прок. по набл. за ст. след. (фамилия) тоже	Распоряжен. губ. прок. по директиве Прокурора Республ.	
	Б. Созыв инструктивных совещаний.	1) Ст. следователи 2) Городские нарследы	тоже тоже	тоже тоже	Цирк. письмо Прок. Респ. и предлож. ревизии.	
	В. Участие в организац. работе губсуда.	1) Открытие следств. камер: а) (уезд) б) (уезд) 2) Перерайонир. след. уч. в уездах: а) (уезд) б) (уезд) и т. д.	тоже тоже	тоже	Цирк. № 6 Прок. Респ.	

(Продолжение следует).

Е. Ч.

Методы и учет работы прокуратуры в деревне.

Материалы о работе прокуратуры на местах за 2-е полугодие 1925 г. с определенной очевидностью убеждают нас в том, что лозунг «лучше меньше, да лучше» при проведении работы в деревне далеко еще не везде является руководящим и основным лозунгом; стремление охватить своим надзором как можно больше объектов обследования в деревне, не сообразуясь с действительными силами и средствами и характером деятельности обследуемых учреждений в смысле отношения их к вопросам революционной законности, наблюдается еще довольно часто.

Отсюда прежде всего проистекает распыленность в работе и включение в поле зрения прокурорского надзора таких учреждений и организаций, которые или совершенно не составляют непосредственного содержания работы прокурорского надзора, или же обследование их является задачей второстепенной важности.

Примеров этого рода явлений очень много, и мы остановимся лишь на том, когда сами губпрокуроры, подводя итоги своей деревенской работы, отмечают этот нездоровый уклон. Так один из губпрокуроров, отмечая это явление по работе в деревне, говорит: «Из 283 обследований, произведенных за 9 месяцев работы, 75 обследований падает на учреждения, которые не составляют непосредственного содержания работы прокуратуры: больницы, школы, ветеринарные пункты и т. п.». Другой прокурор, подводя в своем докладе итоги работы в деревне, говорит, что были обследованы: «дома младенца, детские лечебницы, ветеринарные пункты, при чем ничего противозаконного не обнаружено», и такие случаи далеко не единичны.

Далее наблюдаются случаи включения в план обследований в деревне всякого рода общественных и кооперативных организаций с точки зрения проверки их оперативной работы, что, несомненно, является недопустимым вмешательством в их работу. Но здесь же следует оговориться, что это отнюдь не означает, что прокуратура

не должна вообще интересоваться работой этих организаций. Наоборот, может и обязана, но в каких случаях? Как правило, прокуратура не должна себе ставить задачи обследования этих организаций. Обследование кооперативных и других организаций прокуратурой может иметь место лишь в случаях, когда имеются определенные данные полагать о наличии злоупотреблений в этих организациях. Напр., если при проведении доклада на сходе прокурору будет заявлено крестьянами о том, что в их потребительском обществе имеют место хищения продуктов или же что руководящие лица правления и ревизионной комиссии близкие родственники, прокурор должен немедленно проверить эти заявления и в случае подтверждения их дело передать в первом случае органам следствия, во втором — войти с предложением в высший кооперативный орган о замене руководящих лиц другими и т. п.

И мы знаем, что работа именно в этих рамках имеет положительные результаты. Приведем пример: во время пребывания прокурора в деревне в одной из губерний им были получены сведения, что ревизия кресткома, произведенная ревизионной комиссией, выявила недостачу 37 п. хлеба, по ревизионный акт остался без движения, вызвав даже справедливое недовольство крестьян. Прокурор обследовал этот крестком и действительно обнаружил лежащий без движения в течение нескольких месяцев указанный выше акт уже в ворохах архивных бумаг; акт был изъят из-под спуда, и против виновных было возбуждено уголовное преследование. Вот правильный подход к делу. Органы прокуратуры обязаны также выяснять те или иные вопросы путем обследования этих организаций и в случаях специального на то им поручения руководящих партийных органов.

Затем мы остановимся вкратце на другом нездоровом уклоне, наблюдающемся у прокуратуры при проведении работы в деревне, выражающемся в расширении рамок производимых обследований до ревизии всего существа

Высоким шпилем.

К языку и стилю литературных, художественных и даже научных произведений, как известно, мы предъявляем в качестве одного из основных требований требование простоты и ясности изложения.

Высокопарность, ходульность встречают беспощадную но заслуженную отповедь наших критиков-рецензентов.

Казалось бы, еще менее терпимы они в наших деловых докладах, отчетах, постановлениях. Не потому, что речь идет об официальных документах. Мы, грешным делом, полагаем, что и официальные, точнее, служебные наши «бумаги» должны излагаться на самом что ни на есть обыкновенном человеческом языке, наиболее доступном для понимания широкой рабоче-крестьянской аудитории. Но именно поэтому, казалось бы, в них менее всего и уместны высокопарность и ходульность.

А, между тем, есть еще у нас изрядные любители того и другого. А между тем...

«Вместо того, чтобы выкурить трубку мира и зарыть свой томогавк в землю, он поднял топор вражды и вонзил ему в голову».

Вы думаете, что это выдержка из Фенимора Купера? Ошибаетесь; это взято из обвинительного заключения одного из несомненно компетентных по части романов Фенимора Купера следователей.

Надо полагать, немало недоумевали и обвиняемый и потерпевший по поводу трубки мира, не в малое смущение приводил обоих и пресловутый томогавк.

А между тем...

«Инициативу имеет. Но пользуется ею для временного эффекта. К тому же резонер и фаталист. В довершение был членом бюро, а теперь кандидат».

Вы думаете, что это некий ребус, для которого витневатость по чину так-сказать положена. Ошибаетесь; это деловая характеристика...

А вот результаты двух выступлений на собраниях женщин-нацмен; оказывается, два доклада окончательно пробудили активность тех, которые

«еще вчера дремали в сладких грезах диктатуры мужского самодурства».

Результаты, само собою разумеется, немалые, если бы... олько не... ходули!

«Требуется ли доказательств положение, что, если не разбудить в женщине дремлющие в состоянии потенции колоссальные источники энергии, мы не сумеем довести дело социалистического строительства до конца?» с пафосом продолжает свое повествование о двух (за полугодие) выступлениях и вопрошает автор делового отчета.

Мы полагали бы, что поскольку речь идет не о бессознательной аудитории, а об отчете в центральный советский орган, «положение» никаких доказательств не требует. Но наш автор держится иного мнения, и на протяжении нескольких печатных на пишущей машинке листов отчета пространно излагаются «доказательства», разумеется, в самом выспреннем стиле, приличествующем теме, на манер:

работы учреждений, т.-е. обследование не в отношении проведения низовыми органами деревни революционной законности, а ревизия всей их оперативной деятельности с точки зрения существа и целесообразности их работы. Берем факты. Перед нами планы работ нескольких прокуратур, где в особом разделе намечена работа в деревне. Вот, примерно, вопросы, поставленные обследователем: «проверка денежных сумм с книжными остатками ВНК'а», «проверить его личный состав», «проверить, отчитываются ли ВНК'и перед УНК'ами и сельсоветы перед ВНК'ами, проверить работу волостного ЗАГС'а», «обреорганизовать почтово-телеграфное отделение», «проверить правильность представления отчетов о деятельности ВНК'ов» и т. п. В других случаях обследование прокуратурой в деревне намечает следующие вопросы: «состояние школ и пожарных дружин», «состояние дорог и мостов», «численный состав ККОВ, его фонд и количество выдаваемых ссуд, число кооперированного населения, число торговых предприятий, способ обработки полей и развитие культур» и т. п.

Выяснение этого рода вопросов, конечно, представляет интерес, но не относится к компетенции прокуратуры и лежит на обязанности других советских органов, которые проводят работу низового аппарата с точки зрения целесообразности и по существу; обязанность же прокуратуры — это обследование деятельности низовых органов в смысле проверки соответствия их деятельности установленным правовым нормам и общему духу революционной законности. И это разграничение необходимо усвоить и строго проводить в жизнь.

Теперь перейдем ко второй группе недочетов работы прокуратуры в деревне. Это прежде всего нездоровые уклоны в смысле методов работы, отсутствие надлежащего учета работы в деревне и отсутствие связанной с ним возможности изучения и критической оценки проводимой работы, а следовательно, и возможности ее дальнейшего методического и качественного улучшения.

В поисках каких-то «неведомых особых методов» работы в деревне отдельные прокуратуры встали на путь «мудрствования лукавого» и, конечно, перегнули палку.

Некоторые прокуратуры, правда, очень немногие (2—3), начали обставать свои приезды в деревню какой-то таинственностью, приезжая в деревню «инкогнито», т.-е. не предавая широкой гласности (приезд прокурора до начала официальных работ), получая в это время необходимые сведения о состоянии аппарата в тайбе-читальне и называя это методом обследования «инкогнито, от избы-читальни». В некоторых случаях пошли дальше и вместо установления живого, непосредственного общения с массами встали на путь организации в деревне так называемых «друзей закона», характеризуя этот метод работы в деревне следующим образом: «Пом. прокурора к обследованию является инкогнито и до начала работы по обследованию информируется непосредственно от крестьянства, вербуя так называемых «друзей закона», и уже после этого приступает к обследованию».

Как все это пахнет методами работы гоголевских ревизоров, и приходится лишь удивляться, до чего можно пойти в деловой обстановке при столь «мудрствовании лукавом», а не трезвом и прямом взгляде на возлагаемую работу; а ведь иначе, как «мудрствованием», этот нездоровый уклон назвать нельзя.

О каком «инкогнито» и «друзьях закона» может идти речь при проведении работы прокуратуры в деревне, основная база которой именно широкая гласность и непосредственное живое общение с массами, с одной стороны, и живое инструктирование низовых органов в отношении проведения ими революционной законности, с другой. Все получаемые работниками прокуратуры материалы от населения при выездах в деревню не могут оставаться в тайне, тем более, если материалы содержат данные об уголовно или дисциплинарно наказуемых деяниях. Прокуратура привлекает виновных к ответственности, и никакой тайны здесь быть не может, не говоря уже о том, что работа эта вообще носит гласный характер, что в значительной степени и помогает сближению ее с массами и обеспечивает ее успех. Не менее вздорно и нелепо прибегать к формированию каких-то «друзей закона».

Весь деревенский актив, согласно положения о сельсоветах, утвержденного II сессией ВЦИК XI созыва, груп-

«еще вчера дремали в сладких грезах диктатуры мужского самодурства» и т. д.

Но покинем мир сладких грез. Вот предложение: предлагается:

«произвести мобилизацию и стабилизацию всех сил рабкоров и селькоров по выявлению всех замеченных случаев спекуляции».

Что нужно беспоощрительно бороться с спекуляцией, мы согласны. Что рабкоры и селькоровы в этом могут принести и уже приносят немалую пользу,—это также «положение», не требующее доказательств.

А вот насчет «мобилизации и стабилизации всех сил рабкоров и селькоров» нам не совсем ясно, к чему было включать их в качестве одного из заданий в деловой план работы на первое полугодие 1926 года. Правда, «стабилизация» — не томовик и не трубка мира, и не тонор вражды, словом, не Фенимор Купер.

Но... ведь и из доклада, скажем, т.т. Сталина или Зиновьева или Троцкого, заимствовать нужно с некоторой, ну как бы выразиться, осмысленностью. А то, помилуйте, «мобилизации и стабилизации всех сил рабкоров и селькоров»!.. Что-то вроде привития оспы телеграфному столбу. Или в другом таком же роде.

Во всяком случае, без компетентного разъяснения тут не поймешь, что именно люди думали.

Разъяснения же в таких случаях помогали. Например. Прочитали мы как-то на днях сообщение о «локальном методе наблюдения за следствием», далее о «реконструкции аппарата», далее о предложении по всем участкам завести «меморандумы», затем «об акциям» и «кольцевом» ме-

тодах работы на селе, затем «о художественной экспертизе по делам об отцовстве» и т. д., и т. д.

Недоумевали, что бы это такое все значило. Слова все такие мудреные! Запросили и получили ответ. Оказывается, ларчик во всех случаях открывается просто. Что такое «локальный метод наблюдения за следствием»? А это значит вот что: каждый помпрокурора в участке наблюдает за параседами своего участка. Вот смысл философии сей! Скажете: какой же это такой новый метод?

Но в том-то ведь и суть, что назначение «высokonарциков» отнюдь не в проложении новых путей и внесении свежей мысли. Она ограничивается барабанным боем и ролью одной из двух крыловских бочек.

Что за «реконструкцию аппарата» произвели на месте? Оказывается, реконструкция выразилась... в подтверждении существовавшего уже три года распределения обязанностей между работниками. Вот нам и «реконструкция».

Что касается «меморандумов» по участкам, то ими пмелось в виду заведение по участкам никому и ни на что ненужных особых реестров со входящими и исходящими. И т. д.

Наверное, удастся получить аналогичное разъяснение и по поводу «стабилизации сил всех рабкоров и селькоров»! А пока...

...«В целях популяризации милиции в деле ее наблюдения за преступным элементом задержать гражданина А. до утра и подвергнуть опросу. Ведение следствия по сему делу принимаю на себя. Начальник... района милиции».

Так гласит постановление о задержании гр. А. В чем собственно дело, по которому следствие принимает лично

ируется вокруг сельсоветов в форме разного рода секций при сельсоветах, а потому самостоятельное существование какой-то группы «друзей закона», образованной по совершенно случайным признакам, практически было бы противопоставлено сельсовету и вылилось бы в форму исключительской организации не «друзей», а врагов закона.

Вопрос прост и ясен, и лишь недуг «мудрствования» можно объяснить эти педоровые явления, от которых места, заболевшие ими, были, надо думать, излечены в самый короткий срок жестким указанием Центральной Прокуратуры.

Затем, несомненно, крупный недочет деревенской работы прокуратуры — наблюдающееся до сих пор в одних случаях полное отсутствие особого учета работы в деревне, а в других — пеналажность и бессистемность такового; об этом свидетельствуют поступающие материалы с мест, где прокуроры сами констатируют это явление.

О необходимости и значении этого учета много говорить не приходится. Учет — это основа правильной постановки всей работы; нет учета — нет анализа, нет самокритики. Не следует забывать, что для укрепления революционной законности мало констатировать факт правонарушений и пезакономерности, необходимо изучить причины этих явлений в деревне и на основе этого изучения изыскать способы и наметить пути к их устранению. А это возможно осуществить лишь при строгом учете проводимой работы и тщательного изучения причин всех фиксируемых типичных правонарушений.

И Прокуратура Республики, учитывая всю возможность этой работы, в преподанном на места циркуляре № 241 требует от губернских прокуроров строгого учета проводимой ими работы в деревне, указывая на необходимость представления статистических данных, фиксирующих важнейшие моменты работы в деревне. Данных в этом циркуляре перечень вопросов, подлежащих освещению в отчетах о деревенской работе прокуратуры, конечно, дает лишь общее направление работы и не является исчерпывающим. На основе этого циркуляра губернаторы должны разработать схему учета работы в деревне как

в губпрокуратуре, так и участковых камерах, которая отражала бы в цифрах важнейшие моменты деревенской работы прокуратуры.

Мы же остановимся далее вкратце на методах этой работы, наметив те пути, по которым, как нам думается, должна идти работа прокуратуры в деревне, и дать примерный перечень тех вопросов, которые подлежат выяснению при обследованиях низовых органов.

Каковы же эти рамки обследования и каковы методы их выяснения при прокурорских обследованиях в деревне?

Намеченная июльским совещанием губернских и областных прокуроров линия работы прокуратуры в деревне остается в основном верной, и в настоящее время мы считали бы необходимым лишь несколько детализировать деревенскую работу, намечая примерный перечень вопросов, выяснение которых для прокуратуры является, по нашему мнению, основным при проведении обследований в деревне.

Работа прокуратуры в деревне в основном сводится к выяснению степени проведения и укрепления революционной законности; отсюда основными объектами обследований являются: вол. исп. комитеты, сельсоветы, милиция и волземкомиссии, деятельность которых тесно связана с вопросами проведения революционной законности и которые в своей повседневной работе соприкасаются с интересами широких масс крестьянского населения. Это — основные и главные объекты прокурорских обследований, и никакая нестрота объектов обследования не должна иметь места.

Каковы же вопросы, подлежащие выяснению прокуратурой при обследовании этих органов? В основном это должны быть вопросы их деятельности, связанные с проведением революционной законности. Мы наметим следующий ориентировочный примерный перечень этих вопросов:

а) просмотр обязательных постановлений ВИК'ов и РИК'ов, в целях выяснения действительной необходимости их, изучения законности таковых, насколько они выполнены в условиях быта крестьянского населения данной местности, и не являются ли они прямым вмешатель-

начрайона, какое ужасное преступление совершил гр. А., — обо всех этих пустяках и постановлениях ни звука! Но зато... популяризация! А какая решительность! Хоть отбавляй. Не меньше, пожалуй, чем в резолюции, вынесенной в другом случае и в другом месте по жалобе на суровость административного взыскания, дословно гласившей:

«Отказать и объявить, что за самогонку будем шпартить до последнего пиджака».

Да и разница в стиле не столь уж существенна.

Один сюсюкает под «пародный» язык и шпартит до последнего пиджака. Другой — «популяризирует», жертвуя сознательно или по неведению статьей 100 УПК, которая, если не ошибаюсь, в числе поводов для задержания граждан такого, как «популяризация милиции», не предусматривает, очевидно полагая, что для популяризации существуют иные методы, чем задержание до утра граждан без достаточного основания (и притом в почтенном губернском центре).

А не понос начрайона за фразой, наверное на постановление узнали бы толком, в чем дело, чем погрешил гражданин, и законно ли его задержание по существу!

А третий... Вот что сообщает о нем помощник прокурора по Армави́рскому округу т. Таранченко: «В Каменно-Бродском районе Армави́рского округа при обследовании арестного помещения обнаружил, что в числе арестованных сидел один гражданин, который был прислан одним пред-

сельсовета при громкой (курсив наш) препроводительной, что препровождается при сем гражданину Орлов, как контр-революционер (курсив наш), так как он не пускал свою взрослую дочь в ликбез и этим срывал кампанию по ликвидации неграмотности».

Далее тов. Таранченко рассказывает, что им была установлена причина «срыва кампании по ликвидации неграмотности» со стороны фигурировавшего в громкой препроводительной в качестве контр-революционера гр-на Орлова: оказывается, он не пускал дочь в ликбез потому, что у нее не было обуви.

Громкая препроводительная на сей раз имела для ее автора весьма прозаические последствия. «Такого контр-революционера пришлось освободить, а против ретивого преда пришлось возбудить уголовное преследование».

Нехорошо, тов. Таранченко. Совсем не цените громких препроводительных и ретивых художеств. А ведь тут несомненное художество. Из неимения обуви у дочери гражданина Орлова и непосещения ею по той же причине ликбеза создать ни более, ни менее, как срыв кампании по ликвидации неграмотности и грозное обвинение в контр-революции; это ли не художество.

А все-таки, друзья, нельзя ли поменьше «громких препроводительных», стабилизаций, реконструкций, популяризаций, меморандумов, локальных и анонимных методов, сладких грез и всего такого прочего!

Рент Ген.

ством во внутреннюю жизнь крестьянства, насколько понятно для крестьян их изложение и т. д.;

б) обратить внимание, не имеет ли место административный произвол низовых органов в смысле противозаконного наложения штрафов, незаконных арестов крестьян в административном порядке;

в) выяснить, не наблюдается ли налоговое рабство, особенно быющее крестьян, замаскированное очень часто формой «добровольности», а на самом деле имеющее обычно характер явного принуждения (сбор на школы, дороги и др. натуральные и денежные повинности, подводная, дорожная и т. п.);

г) проверить, не имеют ли место внесудебные конфискации и вообще противозаконное изъятие имущества по каким бы то ни было поводам. В частности, выяснить, как проведена муниципализация строений, а также национализация таких предприятий сельских местностей, как мельницы, крупорушки и т. п.;

д) своевременно ли осведомляется население ВИК'ами и сельсоветами о всех издаваемых центральными и местными органами власти распоряжениях, касающихся деревни, в частности, своевременно ли ставится население в известность о всех льготах, предоставляемых крестьянству по сельскохозяйственному налогу, по кооперации, о льготах семьям красноармейцев, по трудовому землепользованию и т. д.;

е) особое внимание надо обратить на то, соблюдается ли трудовое законодательство вообще, в частности в отношении батраков, выясняя, соответствуют ли условия найма батраков временным правилам об условиях применения подсобного наемного труда в крестьянском хозяйстве («С. З.» 1925 г., № 26, ст. 183, и инструкция к ним—«С. З.» 1925 г. № 54); проверить работу примирительных комиссий при ВИК'ах, действующих на основании инструкции НКТруда от 20/VI—25 г. за № 181 («Изв. НКТ» № 31—32—1925 г.); необходимо выявлять все случаи кабальных сделок деревенской бедноты с кулаками, и в случае обнаружения таковых прокуратура должна вступать в процесс в порядке ст. 2 ГПК и настаивать на их расторжении;

ж) не наблюдается ли грубого и пренебрежительного отношения и бюрократизма к интересам трудящегося населения;

з) при обследовании волземкомиссий необходимо просмотреть все дела, выясняя правильность и быстроту их рассмотрения, а равно и соблюдение классового принципа при разрешении отдельных спорных вопросов и дел;

и) не практикуются ли незаконные сборы (за выдачу всякого рода удостоверений; удостоверений личности; о регистрации ЗАГС'ов, за оказание медицинской помощи и т. п.);

к) не наблюдаются ли случаи неправильного лишения избирательных прав крестьянского населения;

л) как организована юридическая помощь крестьянству, как работают справочные столы при избах-читальнях, юридические консультации и т. д., какие даются советы и разъяснения крестьянству; насколько они снабжены необходимыми юридическими пособиями («Сборник Кодексов» и т. д.);

м) подвергнуть детальному обследованию волостную милицию, выяснив, не предъявляются ли милицией незаконные требования по отношению к крестьянам (требование бесплатных подвод); не наблюдаются ли незаконные задержания; как ведется борьба с конокрадством, правильно ли налагаются репрессии; своевременно ли выполняются милицией приговоры судов;

н) как ведется борьба с хулиганством, скотокрадством и т. п.

Вот примерный перечень тех вопросов, которые, мы считали бы, должны интересовать прокуратуру при производимых ею обследованиях низового советского аппарата.

Каковы же методы этих обследований прокуратуры? Прежде всего, конечно, обследование должно носить характер широкой гласности: никакой тайны, никакого «инкогнито». Затем проверка деятельности указанных выше органов низового аппарата не должна ограничиваться просмотром чисто бумажного материала этих органов; здесь, прежде всего, в целях выявления действительного состояния низового аппарата должен быть использован метод бесед непосредственно с крестьянскими массами в форме вопросов и ответов на сходах. Далее следует иметь в виду, что обследования не должны носить характера исключительно формальной проверки их деятельности. Прокуратура должна при этих обследованиях, выявляя недочеты, помочь низовым работникам разобраться в отдельных правовых вопросах, разъясняя им сущность и значение проводимой ими работы. Поэтому после производимых обследований рекомендуется созывать собрания низовых работников, на которых давать инструктивные указания по поводу всех обнаруживаемых недочетов.

Наконец, в отношении агитационно-пропагандистской работы в деревне, необходимо совершенно отказаться от постановки на сельских собраниях ненужных и ничего неговорящих крестьянам докладов по разного рода теоретическим вопросам, каковые до сих пор имеют место («об авторском праве», «о вексельном и торговом уставе» и т. п.). Доклады должны носить характер бесед в форме вопросов и ответов исключительно по практическим вопросам, интересующим крестьянство.

И лишь при этих условиях проводимая прокуратурой громадная работа в деревне даст максимум положительных результатов и этим самым ускорит рост нашего социалистического строительства в деревне.

А. Чернышев.

Отклики с мест.

(Из статей, поступивших в Редакцию).

Вопросы брака и семьи.

Поступающие в большом числе письма и заметки с мест в подробностях разбирают проект Кодекса законов о браке, семье и опеке, свидетельствуя, что мысль авторов законопроекта пошла по правильному пути и лишь отдельные, страдающие в известной доле неясностью или недоговоренностью статьи проекта нуждаются в поправках.

Тов. Панов (Крымская АССР) приветствует

«откровенность, с какой проект сталкивает вопросы отношений мужчины и женщины с существующими экономическими условиями, способную ввести эти отношения в рамки здоровых общественных отношений. Лишь полное сознание трудящимися, что фактически брачные отношения — тот же юридический брак со всеми его последствиями, остановит растущую половую распущенность. Проект вполне правильно суживает экономическими мерами (алименты) возможность разврата, одновременно предоставляя широкую свободу в выборе форм брачного сожителства».

Близкого взгляда на широкое общественное значение проекта держится тов. Поздняков (г. Ростов-на-Дону). Верно ли, что проект подрывает устой семьи?

«Конечно, нет, — говорит автор, — так как регистрация также не является препятствием, исключаящим возможность половой распущенности. В этом случае роль играет не узда регистрации, а культурный уровень и сознательность граждан. Мы, наоборот, склонны думать, что новый проект до некоторой степени заставит, главным образом мужчин, на всякое сожителство смотреть более серьезно, поскольку оно создаст независимо от того, зарегистрировано или нет, для сожительствующих сторон взаимные права и обязанности, в то время как сейчас до тех пор, пока брак не зарегистрирован, отношения эти никаких прав и обязанностей не порождают, от чего больше всего страдают интересы женщины».

Не менее неправильно, справедливо замечает тот же автор, имеющее сторонников мнение о противоречии якобы запрещения проектом регистрации браков лицам, уже состоящим в браке, узаконению фактических браков: как до установившись в таком случае, состоит данное лицо в фактическом браке или нет?

Однако, не более ли чем просто разрешается этот вопрос. Ведь

«зарегистрированный брак при жизни супругов прекращается разводом, а так как начало фактического брака относится к моменту начала сожителства, то и прекращается с момента прекращения этого сожителства, т. е., поскольку сожителствовавшие разошлись, надлежит признать и брак прекращенным».

Каждому известно, что для формально заключенных браков закон не устанавливает срока сожителства, после которого они считаются состоявшимися, а признает их действительными с момента их заключения (регистрации). Почему это никому не кажется странным? Ведь можно же предполагать, что, заключив брак сегодня, заключившие его лица завтра же или через неделю его расторгнут. Каждый ответит: да, можно.

В таком случае излишне говорить об установлении каких-то сроков, по истечении которых должно признавать действительные фактические браки».

Но в пример многим т. Поздняков правильно подметил, что, конечно же, авторы законопроекта в содержание фактического брака не вкладывают случайную половую связь. Боязнь такого иной раз понимания фактического брака народными судами

«не выдерживает никакой критики, так как фактическим браком по проекту, надо полагать, признается не половая связь, тем более случайная, как это многие стараются истолковать, а сожителство, и различить эту связь с действительными брачными отношениями наш пролетар-

ский суд всегда сумеет. Отсюда следует неосновательность опасения отыскивания, основываясь на кратковременной связи, в соответствии с примечаниями к 9 и 11 ст. ст. проекта, имущества и алиментов, так как отыскивать никому не запрещено, но получать дано право не всякому, предъявившему иск».

А тов. Панов завершает мысль предыдущего автора, предлагая предоставить суду в случае спора

«определять, есть ли брак или нет. Необходимо в законе указать признаки, кои бы ставили грань для признания отсутствия брака или наличия его. Однако, определение в законе понятия брака не является необходимым, ибо как невозможно юридически установить, что такое любовь и степень ее наличия, также затруднительно определить с бесспорной ясностью, что такое брак, а неясность в этом вопросе не облегчила бы задачи правосудия»,

добавляя, что алименты,

«конечно, должны быть одинаково распространены как на юридический, так и на фактический браки, но необходимо лишь указать предельный срок для алиментов супругам после их развода».

При необходимости выбора из нескольких мужчин отца-ответчика алименты должны возлагаться лишь на одного из них, и необходимо уточнить, чем должен руководствоваться суд при отыскании отца-ответчика».

Проект Кодекса законов о браке, семье и опеке в ст. 12 устанавливает общую собственность имущества, нажитого супругами за время совместного сожителства, беря за основу трудовой принцип.

Тов. Ковырялов (г. Лебедянь Тамбовской губ.) останавливает свое внимание на противоречивости положения проекта об общей собственности нормам Зем. Код.

«Согласно прим. к ст. 66 Зем. Код. и разъяснений пленума Верховного Суда («Е. С. Ю.» №№ 10 и 13), право на имущество двора супруг приобретает с момента вступления в данный двор и притом независимо от степени участия в хозяйстве последнего. Из этого следует вывод, что «трудовая основа» уже не имеет здесь значения: жена получит долю, равную с остальными членами двора, хотя бы она прожила в составе двора несколько месяцев и почти никакого труда в хозяйство не вкладывала. Если мы сравним 12 ст. проекта закона о браке, семье и опеке с последним выводом, то получим очевидную и принципиальную разницу: по проекту право на имущество определяется фактом совместного сожителства и труда, а по Зем. Код. право на имущество может быть приобретено на основании формального момента вступления в состав двора. Мне думается, что законодатель не имел в виду установить более целесообразные нормы только по отношению к городу (ст. 12 проекта закона относится, несомненно, к городу) и отмеченная мною разница, по моему, — результат недосмотра».

Действительно, ст. 66 Зем. Код. предоставляет супругу право на имущество двора с момента вступления в данный двор, но напрасно т. Поздняков отрицает здесь связь со степенью участия такого супруга в хозяйстве двора. Размер доли выходящему из двора супругу определяется в каждом отдельном случае в зависимости как от количества членов двора, так и в соответствии с мощностью хозяйства и, что самое важное, временем и степенью участия выделяющегося в крестьянском хозяйстве. В связи с этим еще 16 марта 1925 г. пленум Верховного Суда разъяснил, что член двора, ушедший из него в другой двор, может просить о разделе в прежнем хозяйстве. От суда зависит либо признать, что такой член двора получил полностью причитающуюся ему долю и что он не имеет права требовать раздела, либо (и это нам сейчас важно

подчеркнуть) присудить истцу долю в том или ином разноре из имущества общего пользования прежнего двора. Основное, чем должен руководствоваться в том или ином случае суд, это — сочетать права на имущество члена двора с правами двора в целом.

Из действительно неразрешенных вопросов заслуживает внимания хотя, быть-может, и редко встречающийся на практике вопрос о праве на выдел выходящей замуж за безземельного крестьянина не достигшей 18-летнего возраста крестьянки (а брачное совершеннолетие — 16 лет). А такой вопрос ставят все то же тов. Панов.

«Необходимо, — говорит он, — выходящей замуж несовершеннолетней девушке-крестьянке предоставить право (см. ст.ст. 66 и 75 Зем. Код.) просить выдела ее доли из крестьянского двора в тех случаях, когда она выходит за безземельного».

Вопрос о коллизии брачного и гражданского совершеннолетия интересует места и с другой стороны. Тов. Гринштейн (м. Городец Бобруйского округа Белорусской ССР) пишет:

«На практике в нарсудах совершеннолетие по делам об алиментах признается для мужчин до 18-летнего возраста, а для женщин до 16 лет. Основанием служит 191 ст. Кодекса зак. об актах гражд. сост., где указан возраст совершеннолетия».

По логике вещей такой подход неправилен и несправедлив. Нам, практикам-судработникам, приходится сталкиваться в жизни с таким явлением, и когда разъяснешь

крестьянке содержание такого закона, то последний остается в недоумении и судья смущен этим обстоятельством. Крестьянке никак непонятно, почему это мужчинам, которые в жизни более обеспечены и материально и физически, алименты дают до 18-летнего возраста, а девушкам, физически более слабой и материально менее обеспеченной, только до 16 лет. По-моему, более правильно будет дать возможность и женщинам пользоваться правом на помощь до 18 лет. Единственным основанием в пользу того, что женщины пользуются правом на алименты до 16 лет, служит 191 ст. в главе об опекуном праве и еще 66 ст. в главе о брачном возрасте».

Вот именно. Ведь 16-летний возраст — это специальное совершеннолетие, брачное и, как таковое, должно пониматься в узком, ограниченном смысле. Брачное совершеннолетие ни в какой степени не может быть связано с правом на алименты. Это станет еще более очевидным, если вскрыть связь между совершеннолетием и прекращением при наступлении его и права на алименты: естественно, что право на алименты прекращается в тот момент, когда лицо по закону получает юридическую самостоятельность в гражданском обороте, т.е. когда оно приобретает право- и дееспособность. А такое общегражданское совершеннолетие в силу ст. 7 Гр. Код. наступает в 18 лет. Что общегражданское совершеннолетие распространяется и на право на алименты, представляется нам поэтому бесспорным.

С. З.

Памяти дорогого товарища.

11 марта 1926 г. мы похоронили старшего инспектора Отдела Судебного Управления НКЮ тов. Панова, Андрея Васильевича. Последний раз сотрудники Наркомюста, во главе с руководителями Наркомата, прощались с неожиданно оставившим наши ряды товарищем. Траурное шествие братски объединило сотрудников НКЮ с рабочими завода «Трансмиссия», откуда пришел т. Панов в 1924 г. в Наркомюст.

Тов. Панов был выдвиженцем этого завода. Рабочий от станка Панов пришел в Наркомюст без теоретической подготовки для сложной работы по управлению судебными органами Республики. Но рабочий Панов, член ВКП (б), преданный революции боец за коммунизм, имел закалку в знании нужд своего класса, имел опыт упорного труда, имел школу своей Партии в деле правильного понимания политики пролетарского государства и, что самое главное, имел повседневную связь со своим заводом, имел свежее чутье рабочего, необходимое для правильного понимания его быта и повседневных нужд.

Тов. Панов взял в мозолистые руки кодексы пролетарских законов, кропотливо изучил их с помощью товарищей по службе и в скором времени стал одним из лучших инструкторов-ревизоров НКЮ. Он обнаружил чрезвычайные способности к тому делу, на которое выдвинула его Партия. В скором времени выдвиженец Панов делал в Наркомюсте доклады о произведенных им ревизиях губернских судов и по этим докладам, по умелой характеристике нутра работы пролетарского суда, по необычайному чутью в деле управления сложным аппаратом судебных учреждений тов. Панов заставлял нас с восхищением смотреть на его рост в Наркомюсте.

Тов. Панов был живым доказательством истинные великих дел Советской власти, которая берет рабочего от станка, ставит его к рулю управления государством и через короткое время являет изумленному миру пример того, как претворяется в жизнь ленинская теория о диктатуре пролетариата, как рабочий умело управляет своим рабочим государством.

В повседневной работе покойный Панов был достойным подражанием примером дисциплинированного, добросовестного, производительного труда. Его могли упорно овладевали тонкостями управления судебным аппаратом Республики, его мысли докапывались до оснований исследуемого предмета при повседневном изучении того или иного суда Республики.

При производстве ревизий рабочий Панов прежде всего обращал внимание на степень удовлетворения судом нужд рабочих и крестьян. Его не удовлетворяла внешняя формальная видимость правильности постановленного судом приговора или решения. Он своим чутьем всегда искал в деле живого существа выявления классового подхода суда к живым людям, проходящим перед судом в том или ином деле. Товарищ по производству ревизии отмечает случай, когда кассир одного завода, обвинявшийся в нанесении обиды действием рабочему заводу, оправдан был судом и когда, несмотря на утверждение приговора губернским судом, ревизор Панов добился истребования дела в порядке надзора и проверки правильности приговора. В другом случае, тов. Панову из осмотра дела показалось, что рабочий завода без достаточных оснований осужден был за хищение на заводе; несмотря на утверждение приговора губернским судом, покойный тов. Панов наводил об осужденном справки в завкоме, в местной ячейке, среди товарищей по работе и по успокоился, покуда не добился вторичной проверки правильности приговора.

Тов. Панов неутомимо отдавал себя в своей работе на служение рабочему классу. Его мучили недостатки в работе суда. Он много думал над их устранением. Многие мысли тов. Панова использованы в циркулярных распоряжениях НКЮ по ускорению производства дел и приближению суда к населению. Тов. Панов был нашим лучшим товарищем и другом.

Сотрудники Отдела Судебного Управления НКЮ.

Обзор советского законодательства за время с 18 по 24 марта 1926 года.

А. ПОСТАНОВЛЕНИЯ ПРАВИТЕЛЬСТВА СОЮЗА ССР.

Уголовное законодательство.

1. Постановление ЦИК и СНК Союза ССР от 5 марта о дополнении и изменении ст. ст. 18 и 19 основных начал уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик и ст. ст. 6 и 11 положения о воинских преступлениях («Изв. ЦИК СССР» от 23 марта № 66) вводит два основных начала в отбывание мер социальной защиты военнослужащими рядового и младшего начальствующего состава кадров РККА. Новое примечание к ст. 18 основных начал («С. З. СССР» 1924 г. № 24, ст. 205) устанавливает, что лишение свободы на срок не более одного года без строгой изоляции и без поражения прав заменяется для военнослужащих приведенных категорий направлением в штрафные части. Содержание же в последних в течение срока не более двух месяцев производится в порядке дисциплинарного ареста. Вместе с тем неопределенное указание прежней редакции прим. к ст. 19 основных начал на отбывание принудительных работ военнослужащими в штрафных частях без точного определения порядка замены одной из этих мер социальной защиты другой мерой заменено постановлением, согласно которому принудительные работы для тех же категорий военнослужащих заменяются лишением свободы на срок, равный одной шестой срока принудительных работ. Имея же в виду, что согласно ст. 19 основных начал принудительные работы назначаются на срок не свыше одного года, следует прийти к выводу, что и заменяющее их лишение свободы должно отбываться военнослужащими в виде дисциплинарного ареста, согласно приведенной редакции прим. к ст. 18 основных начал.

Изменение некоторых статей положения о воинских преступлениях («С. З. СССР» 1924 г. № 24, ст. 207) вытекает из вышеизложенного и носит редакционный характер. Слова «направление в штрафные части» либо заменены словами «лишение свободы» (ст. ст. 4 и 6), либо вовсе устранены (ст. 11). Лишение же свободы должно отбываться во всех этих случаях либо в штрафных частях, либо в виде дисциплинарного ареста.

Гражданское законодательство.

2. Постановлением ЦИК и СНК Союза ССР от 2 марта о дополнении пост. ЦИК и СНК Союза ССР от 24 апреля 1925 г. о порядке утверждения уставов акционерных обществ (паевых товариществ) и их регистрации («Изв. ЦИК СССР» от 20 марта № 64) урегулировал порядок внесения изменений в уставы, утвержденные на основании правил этого постановления («С. З. СССР» 1925 г. № 30, ст. 195). По общему началу изменения устава утверждаются тем органом, которому принадлежит право утверждения соответствующего устава, включая и предполагаемые изменения. Но если, благодаря вносимым изменениям, устав лишается тех признаков, согласно которым он подлежал утверждению СТО или СНК СССР, то и эти изменения подлежат утверждению соответственно тем же органами, хотя бы измененный таким образом устав мог быть утверждаемым иным органом Союза ССР (СТО, вместо СНК) или союзной республики (СНК или ЭКОСО вместо СТО).

Торговля внутренняя и внешняя.

3. Значительно развившийся торговый оборот, в котором, помимо государственных предприятий, принимают участие и организации кооперативные и частные предприятия, и связанная с этим необходимость учета торговых сделок в интересах регулирования рынка вызвали издание пост. СТО от 24 февраля о регистрации внебиржевых сделок, совершаемых государственными предприятиями и учреждениями, кооперативными организациями, предприятиями, обязанными публичной отчетностью, и арендаторами государственных промышленных предприятий («Изв. ЦИК СССР» от 24 марта, № 67). Круг предприятий, учреждений и лиц, обязанных регистрировать свои внебиржевые сделки, значительно расширен сравнительно с тем кругом, который устанавливался постановлением СТО от 11 апреля 1924 г. («С. У. РСФСР» 1924 г. № 54, ст. 532), ныне отмененным. Но вместе с тем

сохранено правило об освобождении от обязательной регистрации сделок органов Наркомата по военным и морским делам, особых отделов и войск ОГПУ и притом всех сделок, а не только на предметы вооружения. Сохранена и соответствующая льгота для наркоматов внутренних дел в отношении сделок на предметы вооружения и специального снабжения милиции. Вновь устанавливается льгота для сделок сельских потребительских обществ и для сделок всех первичных промысловых и сельскохозяйственных кооперативов. Перечисленные учреждения и организации освобождаются не только от обязательной регистрации своих сделок, но и от сообщения сведений о них в биржевые комитеты. Для сделок же, заключаемых союзами кооперативов и первичными городскими потребительскими кооперативами с кооперативными организациями всех видов и степеней, также освобождаемых от регистрации, установлено обязательное представление сведений не два раза в месяц. Кроме того, биржевым комитетам предоставлено освобождать отдельные виды сделок от обязательной регистрации. Эти же комитеты устанавливают размер суммы, при которой сделки должны быть представляемы к регистрации. Соответствующие постановления утверждаются органами надзора за биржами. Срок регистрации сохранен тот же. Попыщен максимальный размер регистрационного сбора до 0,15 проц. с суммы сделки. Размер сбора утверждает Наркомторг Союза ССР. В связи с расширением круга учреждений и лиц, обязанных регистрировать сделки, внесены изменения и в отношении того, на кого на контрагентов эта обязанность возлагается непосредственно. По общему началу сделка регистрируется продавцов в тех случаях, когда контрагентами являются либо два государственных органа, либо два частных лица, из которых каждое обязано регистрацией по закону. В других же случаях сделка регистрируется госорганами, если их контрагентами являются кооперативные организации или частные лица, кооперативными организациями, если другим участником является частное предприятие, и частным лицом-арендатором госпредприятия по сделке с частным же лицом, не обязанным к регистрации сделок.

4. Предусмотренное ст. 7 постановления СНК Союза ССР от 11 ноября 1924 г. об учете и регистрации находящихся за границей имуществ, принадлежащих или подлежащих передаче государственным и кооперативным органам Союза ССР и союзных республик, и о порядке совершения сделок на земельные участки и строения, находящиеся за границей («С. З. СССР» 1924 г. № 26, ст. 226), постановление СТО о порядке найма, постройки, приобретения и использования складочных помещений за границей утверждено 17 февраля и опубликовано в № 64 «Изв. ЦИК СССР» от 20 марта. Арендовать, строить и приобретать складочные помещения предоставлено хозорганам, имеющим право самостоятельного выхода на внешний рынок. Для осуществления этого права требуется разрешение торгового представителя Союза ССР (аренда на срок до трех лет и на сумму до 50.000 руб.), полномочного представителя Союза ССР (аренда на срок более трех лет, постройка и приобретение складов на ту же сумму) или СТО (стоимость постройки или сумма сделки превышает 50.000 р.). Торговым представителям предоставлено направлять в свободные складочные помещения грузы других хозорганов на срок не более двух недель, а также устанавливать плату за хранение и другие операции с направляемыми в таком порядке грузами.

Финансы.

5. Постановлением ЦИК и СНК Союза ССР от 5 марта о налоговых льготах комитетам помощи инвалидам войны, больным и раненым красноармейцам и семьям лиц, погибших на войне, и предприятиям этих комитетов («Изв. ЦИК СССР» от 20 марта, № 64) освобождены от промыслового налога (с начала текущего бюджетного года) те предприятия, которые непосредственно обслуживают нужды инвалидов и т. д., а также непосредственно эксплуатируемые комитетом помощи столовые, аптеки и санатории. Зрелища и увеселения, организуемые комитетам, освобождены от сбора в пользу обществ Красного Креста и Красного Полумесяца, а в отношении уплаты ренты комитеты приравнены к состоящим на государственном бюджете учреждениям.

Промышленность.

6. Постановлением СТО от 26 февраля о сплаве древесины («Изв. ЦИК СССР» от 20 марта, № 64) общее руководство и надзор за сплавом возложено на ВСНХ СССР. За органами судоходного надзора НКПС оставлено право надзора за мерами к ограждению интересов судоходства.

Предстоит издание положений о сплаве и о целевом сборе, взимаемом с сплавляемой древесины.

7. Постановление СТО от 24 февраля об условиях все-союзного конкурса тепловозов и проектов их («Изв. ЦИК СССР» от 21 марта, № 65) издано в дополнение и изменение постановления СТО от 15 апреля 1925 г. («С. З. СССР» 1925 г. № 30, ст. 204) и должно обеспечить успешность объявленного конкурса.

Б. ПОСТАНОВЛЕНИЯ ПРАВИТЕЛЬСТВА РСФСР.**Кодекс законов об актах гражд. сост.**

1. Постановлением ВЦИК и СНК РСФСР от 1 марта об изменении Кодекса зак. об актах гражд. сост., брачном, семейном и опекуном праве («Изв. ЦИК СССР» от 21 марта, № 65) восстановлен вызываемый бытовыми условиями институт усыновления, отмененный ст. 183 Кодекса. Введена новая редакция главы V раздела III Кодекса, подробно нормирующей этот институт в соответствии с целями и задачами советского государства. Этот социальный характер усыновления явствует из постановления закона, что усыновление допускается исключительно в интересах ребенка. В тех же интересах может быть отменено усыновление в судебном порядке по иску любого лица и учреждения. Усыновление поэтому возможно лишь в отношении несовершеннолетних и малолетних; в случае достижения последними 10-летнего возраста требуется их согласие. Независимо от этого требуется во всех случаях согласие находящихся налицо родителей, опекунов или попечителей. Может быть отменено в интересах ребенка усыновление, совершенное в отсутствие или без согласия родителей. Право усыновления не предоставлено лицам, перечисленным в п.п. «г», «д», «е», «ж» ст. 69 Конституции РСФСР, лишенным родительских прав по суду, несовершеннолетним и лицам,

интересы которых противостоят интересам усыновляемых или находящихся с ними во враждебных отношениях. Постановления об усыновлении выносятся органами опеки и попечительства и подлежат регистрации на тех же условиях, что и другие акты гражданского состояния. Сохранено действие прежней ст. 182 с некоторыми лишь чисто редакционного характера изменениями.

Гражд. Кодекс.

2. Постановлением ВЦИК и СНК РСФСР от 8 марта об изменении прим. к ст. 210 Гражд. Код. РСФСР («Изв. ЦИК СССР» от 21 марта, № 65) Государственному Банку и другим кредитным учреждениям, принимающим иностранную валюту во вклады и на текущие счета с условием возврата той же валюты, предоставлено выплачивать проценты в валюте счета в изъятие из общего правила того же примечания о выплате процентов лишь в валюте Союза ССР.

Гражд. Проц. Кодекс.

3. Постановлением ВЦИК и СНК РСФСР от 8 марта об изменении ст. 229 Гр. Пр. Код. РСФСР («Изв. ЦИК СССР» от 24 марта, № 67) установлено, что просьбы об освобождении от военной службы по религиозным убеждениям возбуждаются не ранее, чем за два с половиною года и не позднее, чем за один год до срока явки к призыву.

Амнистия.

4. Постановление Президиума ВЦИК от 1 марта об освобождении от отбывания принудительных работ без содержания под стражей лиц, приговоренных к таковому до 1 января 1925 года («Изв. ЦИК СССР» от 20 марта, № 64), распространяется на лиц, которые не были еще направлены на работу бюро принудительных работ. Губернские распределительные комиссии, на которые возложено проведение этой меры в жизнь, имеют право не распространять ее на осужденных, злобно или упорно уклонявшихся от явки на регистрацию, а также на лиц, не принадлежащих к классу трудящихся, которые, по мнению комиссии, этого не заслуживают.

М. Брагинский.

Из деятельности Верх. Суда РСФСР.

Определения гражд. касс. коллегии.

По кассационной жалобе Россошинского уполномоченного на решение Воронежского губсуда по иску кассатора к райотделению Воронежского губсоюз о расторжении сделки купли-продажи домовладения.

В апреле 1922 года Острогожская ликвидационная комиссия с участием представителя Россошинского волисполкома продала Россошинскому районному отделению Воронежского губсоюза имущество гр. Н. Н. Попова, находящееся в слободе Россошь и состоящее из деревенского дома, лавки, пяти амбаров, одного навеса и подвала, за один миллиард рублей. Продажа эта занесена в торговый лист за № 42, составленный ликвидкомом в апреле 1922 г. на продажу с торгов «бесхозяйного и белобожского имущества», как указано в этом листе, при чем в нем же имеется отметка, что проданные губсоюзу строения и до продажи их были заняты тем же райотделением губсоюза, которое их купило. Вслед за тем слобода Россошь была преобразована в уездный город, и в 1923 году Россошинский уполномоченный составил список муниципализированных строений, в который включил и строения, принадлежавшие Н. Н. Попову. Но так как эти строения оказались проданными губсоюзу, то уполномоченный 8 сентября 1924 года предъявил в Воронежском губсуде к райотделению губсоюза иск о расторжении сделки на куплю-продажу строений, принадлежащих Н. Н. Попову, и о передаче этих строений уполномоченному, при чем мотивами для расторжения этой сделки в исковом заявлении были указаны: явная невыгода для государства этой сделки, так как строения, оцениваемые в сумме 20.788 руб., были проданы за один миллиард руб. деизнаками 1923 года (по курсу 2.000 руб. золотом), и неза-

конность продажи этих строений, как муниципализированных и конфискованных. Воронежский губсуд, рассмотрев дело по этому иску 10—12 февраля 1925 года, в иске уполномоченному отказал, признав, что муниципализации домов в сельских местностях в 1922 году не существовало, и что положения статей Г. К. (22, 30, 59, 60, 147 и 185) не могут быть применимы к сделке, имевшей место в 1922 году, т.-е. до введения в действие Гр. Кодекса.

Это решение было обжаловано Россошинским уполномоченным в Верховный Суд, при чем в кассационной жалобе указывается: 1) на незаконную продажу Острогожским УИК'ом муниципализированных строений, 2) на неправильный отказ суда в просьбе истца о применении к сделке 22, 30 и 147 ст.ст. ГК; 3) на противоречие, допущенное судом в решении, указывающем на принадлежность спорных строений губсоюзу в силу примечания 1 к 59 ст. ГК, при наличии указания в том же решении о неприменимости к делу статей Г. К.

Г. К. Р. Верховсуда вынесла по этому делу такое определение:

Именем РСФСР, 1925 г., августа, 13 дня, Верховный Суд по кассационной коллегии, по гр. делам, в составе: председателя А. А. Крамер-Агеева, членов: В. С. Селезнева, П. Л. Козлова, в открытом судебном заседании слушал дело по иску Россошинского уездного исполнительного комитета о расторжении сделки купли-продажи домовладения б. Попова, Н. Н., совершенной ликвидационной комиссией Острогожского уполномоченного и Россошинским райотделением Воронежского губсоюза, по кассационной жалобе Россошинского уезд. исполн. комитета на решение Воронежского губсуда от

10—12 февраля 1925 года, коим определено: «иск Россосинского уисполкома оставить без удовлетворения».

Рассмотрев настоящее дело, Г. К. К. находит: 1) что губсуд при рассмотрении дела не выяснил, что представляла из себя так-называемая ликвидационная комиссия, и имела ли она достаточные полномочия для совершения сделок; 2) вывод суда о том, что нормы Г. К. неприменимы для разрешения настоящего дела, находится в явном противоречии со ст. 4 вводного к Г. К. закона, определенно указывающей, что поскольку правоотношения сторон, допускавшиеся в момент их совершения действующими законами, недостаточно регулировались указанными законами, то к ним применяются постановления Г. К.; 3) эта же 4 ст. вводного к Г. К. закона обязывала суд при разрешении настоящего дела установить прежде всего: допускались ли действующим в момент совершения сделки законом продажа принадлежащих государству по тому или иному титулу строений, выяснение этого вопроса привело бы суд к необходимости независимо от других обстоятельств к признанию сделки недействительной, так как в момент ее совершения действующее законодательство не допускало продажи принадлежащих

государству строений не на снос, а равно и ст. 22 Г. К. воспрещает продажу национализированного и муниципализированного имущества; 4) неправильно судом применено прим. 1 к ст. 59 Г. К., защищающее трудовое владение имуществом, перешедшим на основе революционного права к трудящимся, против бывших собственников, а не против государства в лице его местных органов; 5) равным образом, суд оставил без проверки наличие сделки купли-продажи, ибо в силу декрета от 8 августа 1921 г. таковая могла быть совершена только с немунципализированным строением (не находящимся во владении государства) и надлежащим образом засвидетельствована.

По изложенным соображениям и за нарушением губсудом ст. 4 вводного к Г. К. закона, ст. 22 Г. К., ст. 3 и 5 ГПК, неправильным применением ст. 59, прим. 1 Г. К., на основании 237 ст. ГПК, Г. К. К. определяет: решение Воронежского губсуда от 10—12 февраля 1925 г. отменить и дело для нового рассмотрения по существу передать в тот же губсуд.

(Определение по делу № 31.404).

Определения угол. касс. коллегии.

По делу Верхованцевых, осужденных нарсудом 4 уч. Ишимского округа по 1 ч. ст. 157 УК, поступившему в У. К. К. в порядке п. «б» ст. 429 УПК.

Приговором нарсуда 4 уч. Ишимского округа от 11 июля 1925 года Верхованцев, И. П., был признан виновным по ст. 157, ч. 1, УК и приговорен к шести месяцам лишения свободы. Тем же приговором Верхованцевы, Павел и Мавра, признаны виновными по ст. 16 и ст. 157, ч. 1, УК и приговорены: Мавра Верхованцева—к шести месяцам лишения свободы, а Павел Верхованцев по применению ст. 28 УК—к общественному порицанию.

Обстоятельства дела, как они рисуются из приговора и из материалов дознания, были следующие: 30 мая 1925 года к старшему милиционеру 3 района Ишимского округа в с. Арбатском явился гр-н Ощепков, Михаил Иванович, и заявил, что гр-не Верхованцевы, Яков Павлович и Иван Павлович, избili женщину, которая лежит у них на дворе. По прибытии на место происшествия, милиционер совместно с понятными установил, что во дворе гр-н Верхованцевых действительно лежит женщина, у которой из носа и рта видна кровь. Женщиной этой оказалась гр-ка Сырчина, Марфа Антоновна. По составлении протокола о случившемся гр-ка Сырчина милиционером была отправлена в Арбатскую больницу на предмет медицинского заключения о характере побоев. Врачем больницы установлено было, что, кроме кровоизлияния на правом плече, других следов побоев не имеется. При допросе милицией гр-ки Сырчиной, последняя показала, что она, будучи батрачкой, жила четыре месяца в незарегистрированном браке (за неимением метрики) с гр-ном Верхованцевым, Яковом Павловичем. На почве семейных раздоров Верхованцев, Яков, избивал ее. Это происходило чаще всего из-за подстрекательства Мавры Ивановны и Павла Ивановича Верхованцевых (отца и матери Якова Верхованцева).

В отношении имевшего место случая побоев, полученных Сырчиной 30 мая 1925 г., она показала, что в этот день семейство Верхованцевых стало выгонять ее из дому. По подстрекательству Мавры Верхованцевой Яков Верхованцев стал ее толкать из избы, а находящийся тут же в избе брат Якова, Иван, ударил так сильно, что она упала с крыльца избы и разбила себе нос; от удара и ушиба она не могла подняться на ноги в течение двух часов. 11 июня 1925 г. в судебном заседании нарсуда округа потерпевшая Сырчина подтвердила свои показания и просила привлечь виновных к ответственности.

На приговор нарсуда осужденные Верхованцевы подали кассационную жалобу в УКО Тюменской сессии Уральского областного суда, в которой, между прочим, было указано на то, что настоящее дело подлежит прекращению по п. 3 ст. 4 УПК, так как дело это начато не по жалобе потерпевшей, а по заявлению гражданина, не имеющего отношения к делу.

Тюменская судебная кассационная сессия Уральского областного суда, рассмотрев настоящее дело в заседании от 22 августа 1925 г., оставила приговор нарсуда в силе, а кассационную жалобу без последствий. Определение об оставлении приговора в силе было подробно мотивировано УКО

Тюменской сессии и, в частности, довод кассаторов о необходимости прекращения дела за силой ст. 4, п. 3, УПК был признан не заслуживающим уважения по следующим соображениям.

Из просмотра дела в ревизионном порядке установлено, что хотя в деле и отсутствует не только на Верхованцева Павла, но и на всех осужденных специальная на то жалоба потерпевшей Сырчиной, как этого требует ст.ст. 10 и 91 УПК, тем не менее по ходу всего дела видно, что потерпевшая Сырчина, будучи батрачкой, была введена в дом Верхованцевых Верхованцевым, Яковом, с тем, что она будет его женой, если только принесет позднее приданое, но так как последняя такового не имела, то и принести не могла, за что и подверглась по подстрекательству матери Якова, Маврой, частым избиениям (показания Верхованцева, Якова, и свид. Барабанчиковой и Ивановой) вплоть до события, имевшего в последний раз 30 мая 1925 года, которое выразилось в следующем: Сырчина, проживая уже в другой деревне у гр-на Сметанкина вместе с мнимым мужем Яковом и придя 30 мая в дом Верхованцевых, сразу же была встречена брашною матерью Якова, Маврой, с выражением «опять пришла», а вместе с этим и избиению первым, по подстрекательству Мавры, сыном Иваном, а после и Яковом, в результате чего оказалась валяющейся у крыльца на дворе с излиянием крови из рта и носа и без сознания, почему и заявление в милицию последовало лишь от постороннего очевидца Ощепкова, гр-ка же Сырчина при вмешательстве милиции сразу же была направлена в лечебницу для оказания медицинской помощи и освидетельствования и уже только после освидетельствования была опрошена, но по ее неграмотности и незнанию работником милиции процессуальных требований, протокол был поименован «допроса», а не как это требует «заявления». Второе обстоятельство, подтверждающее, что Сырчина преследовала и преследует всех осужденных, видно из протокола судебного следствия, где она, перечисляя преступные деяния каждого осужденного, в том числе и Верхованцева, Павла, в заключение всего просит привлечь их к ответственности.

Определение УКО Тюменской сессии было помпрокурором опротестовано в пленум Уральского областного суда, при чем протест был поддержан областным прокурором. Мотивы к опротестованию были следующие: непеременимым условием для возбуждения дела по преступлению, предусмотренному ст. 157 УК, как предусмотренной ст. 10 УПК, является жалоба потерпевшего. Без наличия этого условия преследование возбуждено быть не может, а возбужденное подлежит согласно п. 3 ст. 4 УПК прекращению.

В данном случае возбуждение дела против Верхованцевых имело место не по жалобе или хотя бы инициативе потерпевшей Сырчиной, а постороннего лица, сообщившего милиционеру о самом событии.

Доводы кассколлегии, послужившие главным основанием для оставления приговора в силе: что, с одной стороны, Сырчиной не было известно о необходимости подачи жалобы, а, с другой, что милицией, вследствие незнания процессуальных требований, показания Сырчиной ошибочно озгла-

вила протоколом допроса, а не заявлением, неосновательны. Одно то обстоятельство, что милицией после сообщения ей Опенковым о случившемся вынесено постановление о производстве дознания, ясно свидетельствует, что инициатива возбуждения дела всецело принадлежит милиции, а не потерпевшей Сырчиной.

Второй довод кассколлегии, что Сырчина на судебном заседании ходатайствовала о привлечении Верховандцевых к ответственности, чем как бы пополняется пробел, т. е. отсутствие жалобы, в свою очередь неоснователен уже только потому, что дело из-за отсутствия жалобы не могло быть назначено к слушанию, а подлежало прекращению на основании п. 3 ст. 4 УПК.

Пленум Уральского областного суда, рассмотрев дело в заседании от 30 декабря 1925 г., не согласился с прокурорским протестом по следующим основаниям:

Хотя дела частного обвинения и возбуждаются не иначе, как по жалобе потерпевшего (ст. 10 УПК), но, принимая во внимание конкретные обстоятельства настоящего дела (п. «в» ст. 70 положения о судостроительстве), а именно:

1) что потерпевшая Сырчина после побоев не могла подняться на ноги, была милицией отправлена в больницу и, таким образом, лично заявить о нанесенных ей побоях не смогла;

2) что означенная Сырчина, будучи неграмотной, не могла знать о тех процессуальных нормах, которые предоставляют в таких случаях потерпевшему право подачи личного заявления;

3) что сама милиция в этом случае проявила незнание процессуальных норм и вместо протокола устного заявления Сырчиной составила протокол допроса Сырчиной в качестве потерпевшей;

4) что в протоколе допроса милиции Сырчина показала о нанесенных ей побоях;

5) что на судебном следствии потерпевшая Сырчина просила нарсуд привлечь виновных к ответственности (п. д. 31), и, таким образом, она частное обвинение поддерживала, а это вполне заменяет подачу личного заявления по делам частного обвинения;

6) что согласно общим начал и духу советского законодательства суд всегда должен стоять на защите интересов слабых и трудящихся, какой является в данном деле батрачка Сырчина, и в этих интересах суд не всегда может быть связан с чисто формальной стороной процессуальных норм.

В виду несогласия пленума с прокурором дело в порядке ст. 429, п. «б», УПК было отправлено в УКН Верхсуда.

Уголовно-кассационная коллегия Верхсуда, рассмотрев дело в заседании от 19 февраля 1926 г. в составе: председательствующего Фрейдсона и членов: Гайшпунта и Голубцова, заслушав заключение пом. прокурора УКК Воробьева, вынесла следующее определение:

«Приговор нарсуда и определение УКО оставить в силе».

(Определение по делу № 21.233).

В Совнарком РСФСР.

Проект положения о гражданстве РСФСР.

В связи с принятым ЦИК Союза ССР постановлением от 29 октября 1924 г. об утверждении положения о союзном гражданстве («С. З.» 1924 г. № 23, ст. 201) СНК РСФСР принял представленный Наркомостом проект положения о гражданстве РСФСР и перечень отменяемых в связи с изданием этого положения законов, действующих до сего времени на территории РСФСР.

Из объяснительной записки Наркомюста, приложенной к проекту, видно, что при составлении проекта положения о гражданстве РСФСР НКЮ взял в основу положение о союзном гражданстве, изданное в союзном порядке. Однако, буквальное переложение союзного закона в некоторых частях не соответствовало бы потребностям практики РСФСР, поэтому некоторые статьи этого положения пришлось переработать, сохраняя общий смысл закона.

Ст. 3 союзного закона устанавливает, что «каждое лицо, находящееся на территории Союза, признается гражданином Союза ССР, поскольку не будет им доказано, что оно является иностранным гражданином». В проекте же положения о гражданстве РСФСР НКЮ счел необходимым выкинуть слово «им». Авторы проекта исходили при этом из того соображения, что установление принадлежности к гражданству другого государства важно не только для лица, ходатайствующего о признании его гражданином Союза или какой-либо республики, но также важно и для самого Союза этих республик, в виду чего собрание материалов о принадлежности ходатайствующего гражданина к гражданству какого-либо государства должно быть предоставлено не только самому ходатайствующему, но и органу, его принимающему.

При редактировании ст. ст. 9 и 18 проекта НКЮ руководствовался следующими толкованиями ст. ст. 9, 10 и 13 положения о союзном гражданстве. Ст. 9 положения о союзном гражданстве говорит: «Принятие иностранцев, проживающих за границей, но не подходящих под действие ст. 8 настоящего положения, производится через дипломатические, консульские или иные, выполняющие их функции, органы Союза ССР за границей, постановлениями центральных исполнительных комитетов союзных республик по представлению уполномоченного НКЮ при совете народных комиссаров данной союзной республики и ЦИК Союза ССР, по представлению НКЮ». При толковании этой статьи возникает вопрос: устанавливает ли союзный закон двойной порядок принятия в гражданство, с одной стороны, путем постановления ЦИК соответствующей союзной республики, а с другой — ЦИК Союза ССР, или следует встать на ту точку зрения, согласно которой принятие в гражданство может быть установлено только путем соответствующего постановления ЦИК

соответствующей союзной республики, утверждаемого ЦИК Союза ССР. НКЮ признал правильной при истолковании этой статьи вторую точку зрения, при этом исходил из следующих соображений. Союзным законом не установлено отдельного союзного гражданства. В СССР есть только гражданство отдельных союзных республик. Было бы противоречием смыслу закона, если бы принятие в гражданство иностранцев могло осуществляться помимо органов тех союзных республик, гражданами которых названные иностранцы хотят быть. По мнению Наркомюста, ст. 9 положения о союзном гражданстве следует толковать в том смысле, что принятие иностранцев, указанных в этой статье, в гражданство, в виду особой важности такого акта, союзным законом поставлено под контроль Союзного ЦИК'а, в виду чего постановления ЦИК'ов союзных республик о таком принятии нуждаются в утверждении Союзного ЦИК'а.

Наоборот, статья 10 союзного закона, говорящая о восстановлении в гражданстве лиц, утративших таковое, и ст. 13, говорящая о выходе из союзного гражданства, устанавливает порядок, по которому такого рода постановления делаются или ЦИК'ами союзных республик или ЦИК'ом СССР.

НКЮ полагает, что эти различия в редакции ст. ст. 9, 10 и 13 положения о союзном гражданстве не случайны, а сознательны, и что во втором случае как восстановление гражданства, так и выход из гражданства могут быть совершены или постановлениями ЦИК'ов соответствующих союзных республик или постановлениями ЦИК'а Союза ССР. Сообразно с этим толкованием отредактирована и статья 9 проекта.

Положение о союзном гражданстве не предусматривает условий выхода из гражданства. Ст. 13 лишь указывает, что выход из союзного гражданства допускается с разрешения ЦИК'ов союзных республик или ЦИК'а СССР. В виду этого Наркомост счел необходимым включить в проект статью, формулирующую условия выхода из гражданства РСФСР.

В соответствии со сказанными основными положениями законопроекта о гражданстве РСФСР сводятся к следующему.

Каждое лицо, находящееся на территории РСФСР, признается гражданином РСФСР, поскольку не будет доказано, что оно является иностранцем или гражданином другой союзной республики.

При регистрации брака между лицом, состоящим в гражданстве РСФСР, и лицом, состоящим в иностранном гражданстве, каждый из них сохраняет свое гражданство. Изменение гражданства этих лиц может последовать в упрощенном порядке, устанавливаемом законодательством Союза ССР.

Принятие в гражданство РСФСР иностранных граждан, проживающих на территории РСФСР для трудовых занятий и принадлежащих к рабочему классу или к не пользующемуся чужим трудом крестьянству, а также ищущих убежища,

вследствие преследования их за общественную деятельность, производится краевыми, областными и губернскими исполкомами, а в автономных республиках, не имеющих губернского деления, ЦИК'ами этих республик.

Отказ в принятии в гражданство РСФСР, последовавший со стороны какого-либо из перечисленных здесь органов, может быть обжалован во ВЦИК.

Принятие в гражданство РСФСР лиц, проживающих на территории РСФСР и не могущих быть отнесенными к одной из указанных категорий, производится ВЦИК'ом. Постановления ВЦИК об отказе в принятии в гражданство окончательны и обжалованию не подлежат.

Списки лиц, которым отказано в принятии в гражданство РСФСР, сообщаются другим союзным республикам.

Выход из гражданства РСФСР допускается при соблюдении следующих условий, вместе взятых: 1) достижения совершеннолетия, т.-е. 18 лет; 2) согласия какого-либо иностранного государства принять заявителя в гражданство дан-

ного государства; 3) несостоянии ко времени подачи заявления о выходе из гражданства РСФСР под следствием или судом или в качестве отбывающего определенную судом меру социальной защиты; 4) предварительной, за три месяца до подачи заявления, публикации в официальном органе печати по месту жительства заявителя о предполагаемом выходе из гражданства РСФСР. Для военнообязанных, сверх перечисленных условий, требуется отбытие ко дню подачи заявления о выходе из гражданства РСФСР установленных законом сроков действительной военной службы или освобождения от таковой в установленном законом порядке. Заявления о выходе из гражданства рассматриваются ВЦИК'ом, постановлениями которого являются окончательными.

Далее проект воспроизводит положения, содержащиеся в союзном законе от 29 октября 1924 г.

Принятый СНК проект положения о гражданстве РСФСР и перечень утрачивающих силу в связи с этим узаконений представлены на утверждение Президиума ВЦИК.

Х Р О Н И К А.

Разграничение функций ВСНХ и НКВнуторга РСФСР.

Президиум Госплана РСФСР в ряде заседаний рассматривал вопрос о разграничении функций ВСНХ и НКВнуторга РСФСР в области регулирования торговли промтоварами на основах сохранения единства планирования.

Госплан признал, что за Наркомвнуторгом должно быть оставлено общее руководство торговой политикой, а равно наблюдение за торговой деятельностью всех торговых предприятий, действующих на территории РСФСР. ВСНХ РСФСР руководит торговой деятельностью синдикатов, трестов, торгов и сырьевых организаций и составляет производственные программы республиканской промышленности. Ассортимент изделий, а также торговые планы вырабатываются ВСНХ и Наркомвнуторгом совместно.

Жестокое планирование завоза промтоваров по кварталам и месяцам осуществляется только в случаях недостатка определенного рода товаров.

Наркомвнуторг определяет круг деятельности торговых представителей и выполняет общий контроль за их работой. Наркомвнуторг составляет общие планы кредитования торговли промтоварами.

Законопроект о правах отделов местных исполкомов и учреждений, состоящих на гос. и местном бюджете.

Согласно предложениям ЭКОСО РСФСР Наркомюстом при участии НКВД, НКФ, ВСНХ, ВАК при ЭКОСО, Госбанка, НКСТ, НКВТ, НКП, НКЗ, НКСО и Моссовета разработан и внесен в ЭКОСО законопроект, устанавливающий пределы, в которых состоящие на государственном и местном бюджете учреждения и отделы испол. ком. имеют право принимать на себя обязательства и вступать в договорные отношения. Приводим основные положения законопроекта. Указанные выше учреждения имеют право заключать всякого рода сделки, необходимые для осуществления возложенных на них задач, но не иначе, как в пределах ассигнованных означенным учреждениям кредитов и лишь на период действия этих кредитов (30 сентября). В виде исключения договоры на поставку предметов, имеющих сезонный характер, а также на производство строительных и ремонтных работ, носящих сезонный характер, могут быть заключаемы и на сменный период действия кредитов, следующий за данным периодом их действия, но с разрешения в каждом отдельном случае главных распорядителей кредитами. Предоставляя указанным учреждениям право заключать все сделки, законопроект, однако, не дает права отделам исполкомов и др. учреждениям выдавать в связи со сделками вексели, заемные письма, даже обязываться неустойкой и выдавать задатки, так как вексель является строго формальным и абстрактным обязательством, который не отражает природы заключенной сделки. Принятие же обязательства об уплате неустойки и выдача задатка по сделкам при отсутствии стабилизированного местного бюджета в случае их спорности для отделов грозило бы нанесением убытков местному бюджету. Законопроект возлагает всю ответственность за убытки, вытекающие из сделок, заключенных с соблюдением изложенных положений, на государственные и местные бюджеты по принадлежности.

ГУКХ предложил дополнить законопроект следующими поправками. Законопроект не содержит указаний о праве указанных отделов и учреждений заключать сделки, связанные с возложением на них задач по эксплуатации находящихся в их ведении имущества и предприятий (договоры о сдаче в аренду жилых строений, торгово-промышленных помещений, предприятий, городских земель и т. д.), что следует устранить внесением соответствующих поправок в законопроект. ГУКХ также предлагает предоставить отделам исполкомов право в изъятие из общего порядка обязываться векселями, заемными обязательствами, неустойкой и задатками по тем сделкам, кои основаны на использовании по прямому назначению переданных в распоряжение отделов и учреждений специальных средств (квартирная плата, фонд лит. «Г», плата за учение, субвенция на дорожное, школьное и лечебное дело и т. п.) и, наконец, ГУКХ не видит оснований к лишению прав отделов исполкомов обязываться при заключении сделок неустойкой или задатками, считал, что такие ограничения будут служить тормозом в деле развития хозяйственной инициативы указанных учреждений, и в конечном счете сохранит существующий порядок заключения сделок отделами исполкомов, т.-е. в каждом отдельном случае с разрешения подлежащего исполкома.

Пересмотр временного положения о местных финансах.

В связи с пересмотром в НКФ временного закона о местных финансах НКВД ставит вопрос о разгрузке местного бюджета от расходов, которые должны быть перенесены на госбюджет. Критерием для отнесения того или иного расхода по линии НКВД последний считает: а) слабую связь расхода с местной жизнью, б) неравномерное распределение их на территории Республики, нагружая, таким образом, одни места за счет других, и в) государственной целесообразности отнесения расхода на средства государства. Руководствуясь таким подходом, НКВД предлагает сократить соответствующим образом существующий перечень местных расходов, отнести на госбюджет полностью расходы: а) по содержанию милиции, б) мест заключения и в) квартирное довольствие войск. НКВД предлагает отчетливо предусмотреть, и разрешить вопрос о формах регулирования центром местного бюджета. Со своей стороны НКВД мыслит регулирование в виде рассматривания местных бюджетов с точки зрения соответствия их построения действующим узаконениям и плановой увязки отдельных отраслей местного хозяйства, в целях обеспечения нормального роста отдельных частей местного бюджета и рациональной системы его финансирования в дальнейшем. Не менее важным, по мнению НКВД, является необходимость в том же законе провести разграничение взаимоотношений Союза и союзных республик в области законодательства по местным финансам. Учитывая местные условия и экономику союзных республик, НКВД считает, что союзному законодательству в указанной области должна быть представлена регламентация основных положений местного бюджета (объем местного бюджета, принцип дифференциации его, система финансирования и т. п.); за союзными республиками должно быть оставлено проведение в жизнь местного бюджета, что предполагает предоставление законодательству последних установлений за-

кооположений в области составления, утверждения и исполнения местного бюджета, внутреннее регулирование взаимоотношений вышестоящих и нижестоящих единиц в области местного бюджета, установление объема доходов и расходов по отдельным дифференцированным бюджетным единицам, порядок и основания пользования субвенционных пособий местам. Разрешение последнего вопроса, по мнению НКВД, должно решить принципиально союзных республик в области строительства местного бюджета в соответствии с экономическими, бытовыми и культурными их особенностями.

В президиуме Госплана РСФСР рассматривался проект временного положения о местных финансах, представляемый НКФ СССР на утверждение Совнаркома и ЦИК СССР.

Признавая, что этот проект вводит определенные улучшения в области местных финансов, президиум Госплана полагает, что необходимо одновременно с утверждением представленного Наркомфинансов проекта приступить к основной разработке вопроса о всей системе финансирования местных бюджетов с тем, чтобы была достигнута полная увязка между доходной и расходной частями местного бюджета, согласование объема этого бюджета с развитием местного хозяйства и устойчивость бюджета. Следует при этом точно учесть наличие маломощных административно-территориальных единиц, нуждающихся в систематической помощи из центра.

Президиум Госплана также полагает, что проект положения НКФ СССР об имуществе и имущественных правах местных советов должен быть вновь рассмотрен на основе укрепления имущественных прав местных советов и предоставления советам достаточной свободы распоряжения местным имуществом.

Борьба с растратами и хищениями в кооперации.

Наркомвнуторг РСФСР разработал проект мер по борьбе с хищениями и растратами в кооперации. По проекту борьба должна быть основана, прежде всего, на усилении предупредительных мер. К осуществлению их должна быть призвана не только кооперативная и профессиональная общественность, но и государственные органы в лице рабоче-крестьянской инспекции и Наркомвнуторга.

Помимо усиления общественного контроля и оживления работы ревизионных и лавочных комиссий следует планомерно проводить отчетные кампании, обращать усиленное внимание на все отмеченные ими недочеты в работе. Кроме вовлечения кооперированных масс в обсуждение вопросов кооперативной практики на совещаниях и собраниях, желательнее частое посещение членами лавочных комиссий членов кооперативных организаций на дому. Нужно усилить работу инструкторов, а также отчетность и счетоводство кооперативных организаций. Оставление должностей членами правлений, заведующих магазинами и лавками должно быть обусловлено представлением ими исчерпывающей отчетности по вверенным им средствам и товарам.

Наркомвнуторг рекомендует вести показательное снятие остатков в кооперативных организациях, проведение внезапных ревизий торговых предприятий и наличия сумм у подотчетных лиц. Внуторг на местах, совместно с кооперативными организациями и санитарными органами, должны обследовать состояние складочных помещений, магазинов, порядок хранения товаров и повести решительную борьбу с грызунами, вредителями и проч. В городской и рабочей кооперации следует перейти к чековой системе отпуска товаров с выдачей копии чека покупателю, а также наметить порядок продажи товаров чистым весом. Отпускные цены должны быть вывешены на видном месте.

Чтобы улучшить качественный состав торговых служащих, необходимо обусловить прием их определенным стажем и испытаниями. Надо поднять интерес служащих к работе кооперации путем привлечения их на заседания правлений, устройства совещаний по всем отраслям работы, а также улучшения их культурного и материального состояния.

Земли на транспорте.

При Совете правлений жел. дор. был созван ряд совещаний юриконсультов транспорта и земельных агентов для проработки вопроса о мероприятиях к проведению в жизнь положения о землях, предоставленных транспорту. Совещания признали необходимым скорейшее закрепление транспортных земель за НКПС в порядке формальных отводов, получения на них документов и производства по ним инвентаризации. Совещания также признали необходимым выработать план работ по разграничению земель, порядок регистрации и форму производства инвентаризации земель, усилить основы

исчисления арендных плат на земли в связи с рентным обложением их.

Президиум Совета правлений ж. д., рассмотрев данный вопрос, одобрил проект приказа НКПС о проведении в жизнь положения о землях, предоставленных транспорту, согласно которому местные органы управления должны будут приступить к точному учету всех состоящих в заведывании правлений и управлений транспортных земель, закрепленных за НКПС в силу статей 2, 4—9 положения и составить на эти земли планы. По мере получения и порядка регистрации земельных записей на транспортные земли вне городов и соответствующих этим записям документов на земли в городской черте, необходимо будет производить инвентаризацию земель. Передачу транспортных земель в состав государственных или городских земельных имуществ в порядке положения необходимо будет производить с разрешения НКПС. Ходатайство о новых отводах земель для нужд транспорта впредь до издания специального закона об основаниях и порядке принудительного изъятия земель для государственных надобностей, согласно проекта приказа, должно возбуждаться через НКПС.

Изменение правил гарантийного страхования.

Госстрахом в правила гарантийного страхования введен ряд изменений.

Основные ставки тарифа по кассовым операциям значительно понижены для более крупных рисков. По страхованию трудно реализуемых ценностей (процентные бумаги, векселя и проч.) установлены скидки. По всем тарифам увеличена скидка (с 15% до 20%) по страхованию имущества государственных, коммунальных и кооперативных. Понижены минимальные пределы стоимости имущества, для которого применяются скидки за благоустройство. По тарифам для торговых операций увеличены размеры скидки при условиях, уменьшающих опасность риска (для товаров тяжелых, громоздких или в крупной и прочной упаковке).

Установлен особый тариф по групповому страхованию мелких рисков (ящиков, мелких ларьков, разносчиков, кондукторов и проч.) при страховании суммы каждого риска не менее 100 рублей и не более 1.000 руб. для всего группового страхования. При страховании такого рода рисков не требуется обязательной регистрации служащих в рег.-агтест. бюро.

Изменен момент начала ответственности Госстраха. Прежде таким моментом считалось 12 часов дня, следующего за отсылкой описи имущества, сданной служащему. Теперь же ответственность Госстраха начинается со дня отсылки подписанной служащим описи той части имущества, которая им принята (но, конечно, не ранее уплаты страховой премии).

Во всех случаях, когда по прежним правилам для страхователей был установлен для заявлений Госстраху срок в 24 часа, теперь он установлен в 48 час. (например, для заявлений о страховом случае).

Установлен в новых правилах краткий срок, в течение которого Госстрах, получив сообщение об убытке, обязан приступить к ликвидации убытка, а именно 48 час. в крупных городах. В прочих местах оставлен прежний срок—7 дней.

Засвидетельствование доверенностей на совершение таможенных обрядностей.

Главное Таможенное Управление установило (ц. № 186—1925 г.), что выдаваемые частно-правовыми организациями (к группе которых отнесены все без исключения акционерные общества) доверенности на право совершения их поверенными таможенных обрядностей должны быть засвидетельствованы нотариальным порядком (ст. 265 Гр. Код. РСФСР и соответствующие гражд. кодексов других союзных республик), доверенности же, выдаваемые от имени государственных учреждений или предприятий, согласно ст. 267 Гражд. Код. РСФСР и соответствующих статей гражд. кодексов других союзных республик, могут быть выданы за подписью ответственного руководителя и снабжены печатью учреждения или предприятия и обязательного нотариального оформления не требуют.

Разъяснения по гербовому сбору.

НКФ'ом даны следующие разъяснения по гербовому сбору. Если по договору финансирования с предельной суммой каждая выдача денег сопровождается соло-векселем на ту же сумму, договор дополнительной оплате не подлежит.

Если соло-векселем покрыта сразу вся сумма последующих ссуд, дополнительной оплаты этих ссуд пропорциональ-

ным гербовым сбором не требуется, но общая ссуда не должна превышать суммы соло-векселя.

В связи с этим допустим такой порядок: 1) при совершении договора оплатить его простым гербовым сбором; 2) одновременно с совершением договора путем выписки векселей на максимальную сумму допускаемой договором задолженности в каждый момент в пределах срока договора заранее оплатить пропорц. гербовым сбором будущие выдачи денег в этой предельной сумме и 3) затем, если выдача денег будет превышать эту предельную для каждого момента сумму задолженности, оплатить также эти выдачи герб. сбором путем выписки соло-векселей на сумму таких дальнейших выданий и одновременно с ними, при чем на договоре будут делаться своевременно отметки о выдаче денег и соло-векселей (Разъяснение от 9 февраля 1926 г. за № 049716/310).

Внесение денег в счет гербового сбора на оплату будущего определенного документа или документа законом не возбраняется. Внесение же герб. сбора авансом вообще, без указания документов, на оплату которых он вносится, не допускается в силу подокументного характера сбора («В. Ф.» 1925 г. № 4/186).

Свободны от герб. сбора независимо от того, кем производится вклад, документы по вкладным операциям кредитных и ссудо-сберегательных т-в, действующих в сельских местностях городских кредитных кооперативов, губернских и районных объединений перечисленных учреждений, а также документы по вкладным операциям первичных с.-х. промысловых и потребительских кооперативных организаций и их губернских и районных объединений, если производство кредитных операций предусмотрено их уставами («В. Ф.» 1925 г. № 4).

По автономным областям.

Смерть заместителя председателя облсуда Карачаево-Черкесской автономной области

12 марта сего года, вблизи аула Клычевского Эльбурского округа, в 15 верстах от г. Баталпашинска, зверски убит бандитами заместитель председателя облсуда КЧАО по гражданскому отделу, кандидат ВКП (б), т. Санглыбаев, Магомед Абулбекинович.

Проект Кодекса законов о браке и семье на собраниях трудящихся Калмыцкой автономной области.

Проект Кодекса законов о семье и браке не раз был предметом обсуждения граждан Калмыцкой области как на местах, в улусах, так и в гор. Астрахани, в среде работников центральных учреждений области. На местах в большинстве случаев инициатива походила от наредудей, они же являлись и докладчиками. В Астрахани собрания созывались облсудом и жепотделом обкома ВКП (б).

Везде отношение к проекту в общем было благожелательное, возражения вызывались лишь отдельными его статьями. На местах указывали на несоответствие брачного возраста для женщины (16 лет) с гражданским совершеннолетием (18 лет): в голове улусного obligателя не укладывается представление о женщине-домохозяйке и матери с ее несовершеннолетием и с неполнотой ее дееспособности, с ее состоянием в этом возрасте под опекой; отсюда делаются выводы о необходимости повысить брачный возраст и даже сравнить его для женщин с гражданским совершеннолетием в 18 лет, забывая, что это в свою очередь только поведет к увеличению числа фактических брачных отношений.

Другим вопросом, который останавливал на себе внимание собравшихся, был вопрос об обязательности медицинского освидетельствования брачующихся; вполне понятный вопрос, вызванный желанием иметь более здоровое потомство. Сторонникам такого взгляда возражали, тем не менее предложение ввести в Кодекс обязательное медицинское освидетельствование брачующихся было принято на собраниях работников Калмыцкой области, созванном облсудом и жепотделом. Говорилось о праве на получение содержания во время безработицы, об алиментах; центральным же местом в прениях на всех собраниях был вопрос о признании проектом юридических последствий за фактическими брачными отношениями и уравнение последних с зарегистрированным браком. На эту тему велись нескончаемые разговоры и разгорались самые ожесточенные споры; высказывали опасение, что проект увеличит число случаев многобрачия, еще более поколеблет прочность брачных отношений, сделает невозможным доказывать самое существование брака. Пришлось услышать много и других опасений.

Этот пункт проекта обычно в представлении аудитории оказывался самым болезненным и обращался в мишень нападок; немало фактическим брачным отношениям доставалось от жепотделов. Но во всем этом чувствовалась недоговоренность, непонимание, приравнивание фактических брачных отношений к случайной половой связи, и причину такого недоразумения нельзя не видеть в отсутствии точного определения в проекте самого понятия брака, что такое брак, чем брак в своем существе отличается от обычных близких отношений хотя бы и продолжительных.

Наиболее серьезному и основательному разбору проект подвергся на пленарном собрании облсуда. После доклада одного из членов суда, проводящего параллель между действующим Кодексом и проектом и отметившего изменения, вносимые последним в действующее законодательство, высказались все члены собрания, указывая на необходимость так или иначе разграничить понятия о брачных и обыкновенных близких отношениях; был обсужден вопрос об обязательном медицинском освидетельствовании брачующихся, о выдаче содержания в период безработицы, о брачном возрасте, об опеке и другие; сопоставляли 23 и 25 статьи проекта, предоставляющие женщине подать заявление об установлении отцовства в ЗАГС и в суд.

По обмену мнений была принята резолюция, в коей отдавалось предпочтение проекту перед действующим Кодексом законов об актах гражд. сост., устаревшим и не отвечающим требованиям времени, но вместе с тем указывалось на необходимость более точного определения брака и фактических брачных отношений, чтобы не оставалось сомнения, что законом признается и влечет юридические последствия только брак, хотя бы фактический и незарегистрированный, но никак не простая половая связь; неувязку 23 и 25 ст.ст. проекта, из коих первая предоставляет женщине право после рождения ребенка подать заявление об отце в ЗАГС, а вторая в суд, предлагалось устранить предоставлением женщине права с таким заявлением обращаться в суд только при отсутствии согласия на запись со стороны лица, коего женщина называет отцом своего ребенка, так как суд и призван вообще разрешить все споры. Предоставляемое трудоспособному супругу право 11 статьей проекта на время безработицы на содержание от другого супруга может быть при желании слишком широко использовано, поэтому в эту статью необходимо внести какие-либо коррективы, пресекающие возможность злоупотреблений; в виду затруднительности, а часто и невозможности определить отца ребенка, мать которого в период зачатия была в близких отношениях с несколькими лицами, собрание пришло к заключению о желательности оставить в силе ныне действующую 144 ст. Кодекса зак. об актах гражд. сост.

г. Астрахань.

Свешников.

Н а м е с т а х.

Крестьяне о проекте Кодекса законов о браке.

В деревнях Лопатинской волости Петровского уезда Саратовской губ. из самого села Лопатинские крестьяне обсуждают проект нового закона о браке, семье и опеке; самое живое участие проявляют они в обсуждении этого закона. Особенно спорной и вызывающей горячие прения является статья 1 проекта, которая говорит за то, чтобы по закону уравнивать браки как зарегистрированные, так и незарегистрированные. Тут одни предлагают, чтобы брак обязательно регистрировался, другие — необязательно регистрировался. Первые основываются на том, что без регистрации браков будет слишком легко вступать в брак и расторгать брак, будет развиваться проституция, будет расти число беспризорных детей. Вторые просто считают, что раз люди живут как муж и жена, при чем же тут регистрация, все равно они состоят в браке, только этот брак не зафиксирован, не записан на бумаге, а раз так, то и права они должны иметь одинаковые с зарегистрированными.

В прениях выливаются серьезные, требующие вдумчивого отношения вопросы. Например, по проекту нового закона брак можно не регистрировать. При вступлении в брак можно сменить свою фамилию, взяв фамилию жены. Если брак не зарегистрирован, то где эта перемена фамилии будет записана. Не будут ли у нас таким образом спекулировать на перемене фамилий и под фирмой чужих фамилий совершать кражи, грабежи и т. д. Как установить тогда действительную фамилию преступника. Наказание он отбывает под фамилией Иванова, может быть, он и действительно Иванов, а когда выйдет из исправдома, он постарается вступить недели на две с какой-нибудь женщиной в брак и уже будет Сидоров. А если он не отбыл еще наказания, его разыскивают как Иванова, а он уже Сидоров, он не он. А каким образом этого Иванова сумеет разыскать обманутая им девушка, чтобы взыскать

с него алименты на рожденного от него ребенка? Тоже трудное дело.

Почему имущественные отношения супругов устанавливаются таким образом, что муж не имеет прав на имущество жены, нажитое ею до брака, а жена на имущество мужа, нажитое им до брака (только на имущество, нажитое после вступления в брак, супруги имеют общее право). Как такое положение применить в крестьянских хозяйствах, где имущество крестьянского двора остается без изменения, а иногда и уменьшается в силу или недорода или других причин: пожара, падежа скота и т. д. в течение десятилетий? Неужели женщина из такого двора должна уйти ни с чем? Не лучше ли этот вопрос регулировать тем положением, которое устанавливает на этот счет ст. 66 Зем. Код., дополнив его разве тем, что и по выходе по браку в другой двор за вышедшим членом двора, если он не получил своей доли, сохраняется право получить такую же из прежнего двора в течение шести лет. Таким образом, он может получить свою долю если не в новом дворе, где он ничего еще не нажил, так в старом дворе, куда он вкладывал свой труд в течение двух или трех десятилетий. А то выходит, что с выходом в другой двор он теряет право на получение имущества из прежнего двора (прим. 66 ст. Зем. Код.), а в новом дворе он должен опять долго жить, чтобы там что-нибудь получить.

Какой смысл имеет гарантия о здоровье, о неимении детей от другого брака и т. д., когда можно брак не регистрировать, а в фактическом браке никто такой подписки не просит, а если и просит, так можно дать какую угодно подписку, а затем ее взять обратно или просто отказаться от нее. Да и кто может проверить правильность этой подписки, хотя бы и в ЗАГСе, когда ее выдает Сидоров, который раньше был Ивановым и у него была не одна жена и дети.

Нарсудья 6 уч. Петровск. у. Саратовск. губ. Новичков.
с. Лопатино.

БИБЛИОГРАФИЯ.

ДЕРЕВИЦКИЙ, В. А., и ВАРЗАР, В. В. Сборник законоположений по кредитным учреждениям. — Банки, ломбарды, о-ва взаимного кредита, с.-х. банки, о-ва с.-хоз. кредита, кредитная кооперация. Финансовое издательство НКФ СССР. Москва, 1925. Стр. 18 + 460.

Несмотря на существование у нас развитого законодательства, нормирующего все моменты существования и деятельности кредитных учреждений как в общесоюзном, так и в республиканских масштабах, до настоящего времени у нас не имелось систематического сборника законодательства о кредитных учреждениях, чем в значительной мере затруднялось ознакомление с развитым и сложным законодательным материалом в этой области, разбросанным по отдельным номерам официальных изданий — «С. У.», «С. З.» и «Вестник Финансов».

Отсутствие систематического сборника постановлений о кредитных учреждениях в известной мере объяснялось обилием и быстрым ростом законодательного материала по этому вопросу, создававшим для систематизатора значительные трудности.

Труд В. А. Деревницкого и В. В. Варзара впервые восполняет указанный пробел. Несмотря на отмеченную трудность систематизации, авторы сборника вполне справились со своей задачей как в отношении тщательности издания, так и в отношении подбора материала. Названный сборник охватывает действующие декреты, узаконения, уставы, постановления, инструкции, циркуляры и проч. как Союза ССР и РСФСР, так равно и наиболее существенные акты по кредиту союзных республик — УССР, БССР и ЗСФСР. При этом, как указывают составители сборника, по Украине, Закавказью и Белоруссии приведены лишь те законоположения, которые существенно отличаются от соответствующих законоположений РСФСР (стр. 4).

Включение в сборник нормальных и типовых уставов, уставов наиболее крупных кредитных учреждений, инструкций и правил, регулирующих деятельность кредитных

учреждений, а также циркуляров и разъяснений финансовых органов по основным и принципиальным вопросам, несомненно, увеличивает ценность разбираемого сборника, как справочного издания.

Сверх законоположений, регулирующих деятельность учреждений коммерческого (II часть сборника) и сельскохозяйственного (III часть сборника) кредита, составители всю первую часть сборника (стр. 5—91) посвятили законоположениям общего для всех кредитных учреждений характера. Таким образом, на ряду с постановлениями общего характера по кредиту, напр., о порядке утверждения уставов и надзора за деятельностью кредитных учреждений и т. п., в отделе I сборника помещены статьи из Г. К. и Г. П. К., а также положения о НКФ полностью и другие общезвестные и общедоступные материалы.

О другой стороне, по собственному признанию составителей, в стремлении к портативности сборника им пришлось из накопившегося огромного материала выбрать лишь наиболее существенный (стр. 4); так из числа существенных разъяснений, изданных за время, охватываемое этим сборником, в него не вошел, напр., циркуляр НКФ РСФСР от 2 октября 1924 г. № 127 «о наблюдении за изготовлением учреждениями и предприятиями ценных бумаг исключительно через фабрики изготовления государственных бумаг» («Вестник Финансов», 1924 г., № 12, 102). При всем том и в настоящем своем виде рассматриваемый сборник является в достаточной мере полным справочным изданием. В сборнике, к сожалению, отсутствует алфавитный указатель, наличие которого весьма облегчает пользование подобными справочными изданиями. Составителям необходимо озаботиться помещением такого указателя в следующем издании сборника.

Несмотря на указанные пробелы сборник В. А. Деревницкого и В. В. Варзара является единственным как по времени появления, так и по полноте материала справочным руководством по кредиту.

А. Сакнети.

ОФИЦИАЛЬНАЯ ЧАСТЬ.

== СО Д Е Р Ж А Н И Е ==

Циркуляры НКЮ: №№ 35, 41, 44, 45, 46, 47, 49.

Циркуляры Наркомюста.

Циркуляр $\frac{\text{НКЮ № 35.}}{\text{НКВД № 68.}}$

Циркуляр $\frac{\text{НКЮ № 44.}}{\text{Верхсуда № 2.}}$

Нач. краевых, обл. и губ. адмтделов, инспекторам мест заключения, краевым, обл. и губ. прокурорам.

О пересылке по этапу заключенных по требованиям нарследователей и органов дознания.

Из поступающих с мест сведений усматриваются случаи, когда следователи и органы уголовного розыска, не имея достаточных оснований и по маловажным причинам, непосредственно требуют у мест заключения препровождения к ним по этапу содержащихся в местах заключения в то время, как исполнение тех действий по дознанию или следствию, для которых вызывается заключенный, могло быть поручено путем переписки органам той местности, где содержится заключенный.

Принимая во внимание, что препровождение заключенных по этапу связано с крупными материальными затратами и расходом сил личного состава, предлагается впредь пересылку заключенных по этапу по требованиям следователей и органов дознания производить не иначе, как с предварительной санкции прокурора той местности, откуда поступило требование.

Народный Комиссар Юстиции **Курский.**

Народный Комиссар Внутренних Дел **Белобородов.**

25 февраля 1926 г.

Циркуляр $\left\{ \begin{array}{l} \text{НКЮ № 41,} \\ \text{НКВД № 79,} \\ \text{НКСО № 13.} \end{array} \right.$

Всем краев., обл. и губ. администр. отд., судам и отделам социального обеспечения.

Об отмене инструкции НКВД, НКЮ и НКСО от 25 июля 1924 г. № 312 о порядке установления бедности по несудебным делам.

В виду того, что § 10 перечня изъятий по гербовому сбору (прил. 2-е к уставу о герб. сб.) устанавливает, что право бедности может признаваться лишь по судебным делам и что проект изменения указанного § 10 в смысле предоставления административным органам устанавливать право бедности по несудебным делам отклонен Совнаркомом СССР, инструкция НКВД, НКЮ и НКСО от 25 июля 1924 г. о порядке установления бедности по несудебным делам отменяется.

Порядок освобождения граждан от оплаты общегражданских иностранных паспортов и виз для иностранцев: консульским сбором предусмотрен правилами НКВД и НКФ о сборах за выдачу общегражданских иностранных паспортов и виз для иностранцев, порядке уплаты и освобождения (прил. № 6 к инструкции НКВД от 27 февраля 1926 г. за № 75).

Народный Комиссар Внутренних Дел **Белобородов.**

Народный Комиссар Юстиции **Курский.**

Зам. Народного Комиссара Социального Обеспечения **Хамляйнен.**

4 марта 1926 г.

Всем краев., обл. и губ. судам и прокурорам.

Копия: НКЮ АВТОНОМНЫХ РЕСПУБЛИК.

Раз'яснение о применении к осужденным строгой изоляции.

В виду того, что применение строгой изоляции к осужденным по тем статьям Уг. Код., которые этой изоляцией не предусматривают, есть повышение репрессии против указанной в статье закона, Народный Комиссариат Юстиции и Верховный Суд РСФСР раз'ясняют, что лишение свободы со строгой изоляцией может применяться судом исключительно в случаях, когда строгая изоляция прямо предусмотрена соответствующими статьями Угол. Код. и притом лишь в отношении лиц, осужденных к лишению свободы на продолжительные сроки. В отношении же лиц, осужденных к краткосрочному заключению, строгой изоляции, как правило, не применять, при чем в случаях, когда таковая прямо предусмотрена в статье Угол. Код., суд каждый раз в зависимости от конкретных обстоятельств дела ставит вопрос о возможности освобождения осужденного от строгой изоляции на основании 25 ст. Угол. Код.

Народный Комиссар Юстиции и

Прокурор Республики **Курский.**

Зам. Председателя Верхсуда РСФСР **Галкин.**

9 марта 1926 г.

Циркуляр № 45.

Всем краев., обл. и губ. судам и прокурорам.

О браках, заключенных германскими гражданами в германских консульствах.

Согласно законодательства союзных республик, ведение актов гражданского состояния возлагается на представителей СССР за границей.

Ниле в связи со ст. 19 консульского договора между СССР и Германией, текст коего при сем прилагается, такое же правило устанавливается в отношении браков, которые будут заключаться германскими гражданами в германских консульствах в СССР. С момента вступления консульского договора в силу, т.-е. с 11 марта 1926 года, все такие браки должны иметь юридическую силу на территории Союза, как если бы они были заключены в отделах записей актов гражданского состояния.

Со дня вступления в силу упомянутого соглашения, консульские представители Германии должны о всех заключенных ими браках доводить до сведения соответствующих отделов ЗАГС'а.

Что же касается смешанных браков, то, поскольку они заключаются на территории Союза, они имеют юридическую силу лишь если совершены в органах ЗАГС'а.

Народный Комиссар Юстиции и

Прокурор Республики **Курский.**

Член Коллегии НКЮ **Бранденбургский.**

9 марта 1926 г.

Приложение к циркуляру № 45.

консульский договор.

Статья 19.

Генеральный консул, консулы и вице-консулы могут, поскольку они на это уполномочены законами назначившего их государства, совершать браки, когда оба брачующиеся состоят в гражданстве государства, назначившего консула.

О всех заключенных браках консульское должностное лицо должно немедленно заявлять местным властям.

Циркуляр № 46.

Всем губ., обл. и краевым судам.

Об освобождении от гербового сбора заявлений в нотариальные конторы о протесте векселей.

Народный Комиссариат Юстиции объявляет для руководства судебных мест и нотариальных контор, что по раз'нению Народного Комиссариата Финансов от 5 марта 1926 года за № 452320 бумаги, при которых препровождается в нотариальные конторы вексели для протеста, свободны от гербового сбора.

Народный Комиссар Юстиции Курский.
13 марта 1926 г.

Циркуляр № 47.

Всем обл. и губ. судам.

О представлении отчетных сличительных ведомостей.

Ежемесячные отчетные данные нотариальных отделений о суммах нотариальных сборов, сданных в доход казны по

§ 19 ст. 2 сметы НКЮ, большею частью не совпадает с цифровыми данными НКФ о суммах нотариальных сборов, фактически поступивших за тот же месяц в кассы местных финорганов для зачисления в доход казны по смете НКЮ.

В устранение указанного Народный Комиссариат Юстиции предлагает ежемесячно, начиная с отчетности за март 1926 г., одновременно с представлением отчетных ведомостей о движении денежных сумм по ф.ф. № 6, 7 и 12 препровождать в НКЮ, в п/отдел государственного нотариата, суммарные данные об оборотах всех нотариальных учреждений губ. и обл. суда (т.е. за нотариат всей губернии) по прилагаемой форме.

Цифровые данные гр. 6 прилагаемой ведомости—«сдано в доход казны по § 19 ст. 2 сметы НКЮ» — должны быть заверены кассой местного финоргана.

В этой части указанная отчетная ведомость является сличительной ведомостью.

Народный Комиссар Юстиции и
Прокурор Республики Курский.

13 марта 1926 г.

Приложение к циркуляру № 47.

Остаток на 1..... 1926 г.				Поступило в..... 1926 г.				И з р а с х о д о в а н о в 1926 г.								Остаток на 1..... 1926 г.							
Нотариальных сборов и платы за техн. работу.		Местных сборов.		Нотариальных сборов и платы за техн. работу.		Местных сборов.		На содержание нотариальных учреждений со- гласно сметы.		Сдано в доход казны § 19 ст. 2 см. НКЮ.		Сдано в доход местных средств.		Возвращено обратно по несостоявшимся сделкам.		Нотариаль- ных сборов.		Местных сборов.		Нотариальных сборов и платы за техн. работу.		Местных сборов.	
р.	к.	р.	к.	р.	к.	р.	к.	р.	к.	р.	к.	р.	к.	р.	к.	р.	к.	р.	к.	р.	к.	р.	к.
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18	19	20	21	22	23	24

Циркуляр № 49¹⁾.**Краевым, областным, губернским прокурорам и судам.**

Об установлении надзора за деятельностью юрисконсультов.

Циркулярными письмами от 13 июня 1924 г. за № 89 и от 3 января 1925 г. за № 3 даны руководящие указания органам прокурорского надзора по вопросам объединения деятельности юрисконсультов госучреждений и госпредприятий на местах и упорядочения их работы. Специальных допесений о мерах, принятых во исполнение означенных циркуляров, поступило, однако, немного, а в поступающих отчетах за 1925 год либо содержатся скудные по

этому предмету сведения, либо такие сведения отсутствуют вовсе.

В виду того, что в настоящее время вопрос об установлении наиболее полного надзора за деятельностью юрисконсультов и о согласовании их работы поставлен на очередь и НКЮ поручено разработать проект соответствующего постановления, настоящим предлагаю:

1) краевым, областным и губернским прокурорам особо довести к 1 апреля о проделанной в этом отношении работе на местах и об обстоятельствах, препятствовавших надлежащему выполнению этой работы;

2) председателям краевых, областных и губернских судов и прокурорам сообщить к тому же сроку соображения о целесообразных формах организации надзора, о способах согласования деятельности юрисконсультов и об увязке их с органами суда и прокуратуры.

Народный Комиссар Юстиции и
Прокурор Республики Курский.

15 марта 1926 г.

Издатель { Юридическое Издательство
НКЮ РСФСР.

Ответственный Редактор
Редакционная Коллегия

{ Н. Крыленко.
Я. Бранденбургский.
С. Прушицкий.